

Санкт-Петербургский государственный университет

Дмитриева Анна Игоревна

Выпускная квалификационная работа

«Прощание Гектора с Андромахой» (И. 6. 370–502) в русских переводах

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5804.2021. «Классическая филология и античная традиция в мировой культуре»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра классической
филологии, к. фил. наук
Ермолаева Елена Леонидовна

Рецензент:
доцент, ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский
государственный университет кино
и телевидения», д. фил. наук,
профессор
Успенская Анна Викторовна

Санкт-Петербург
2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. «Прощание Гектора с Андромахой» (Ил. 6. 370–502) в переводах предшественников Гнедича.....	7
1.1 Перевод П. Е. Екимова.....	7
1.2 Перевод Е. И. Кострова.....	13
1.3 Перевод И. И. Мартынова.....	18
Глава 2. Перевод «Прощания Гектора с Андромахой» Н. И. Гнедича.....	23
Глава 3. Перевод Н. М. Минского.....	34
Глава 4. Перевод М. А. Кузмина.....	43
Заключение.....	57
Источники.....	61
Библиография.....	61
Приложение 1.....	66
Приложение 2.....	68

Введение

Знакомство с Гомером и его героями начинается на Руси с появлением книжной письменности. Упоминания о Гомере как о мудреце и философе, а также некоторые стихи из его поэм встречаются в древнерусской переводной житийной литературе (жития Кирилла-Философа, Екатерины, Василия-Великого, Евстратия и др.).¹

Гомер также становится известен в качестве повествователя-историка, передающего сведения о Троянской войне (хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, «Исторический обзор» Константина Манасса).² В начале XVI в. в русской литературе появляется «Повесть о создании и поплении Тройском» – перевод сочинения итальянского писателя XIII в. Гвидо де Колумна «Historia destructionis Troiae», написанного на основании «Истории о разорении Трои» Дарета Фригийского.

Самые ранние стихотворные переводы из Гомера на русский язык встречаются в переводах исторических и политических сочинений Мацея Стрыйковского, Анджея Моджевского и Юста Липсия, выполненных в Москве, Петербурге и Киеве в 1712–1722 гг.³

В 1748 г. М. В. Ломоносов⁴ сделал для «Риторики»⁵ стихотворный перевод двух отрывков из «Илиады» (II, 9, 225–261; 8, 1–15). Во второй половине

¹ Егунов 2001, 1221.

² Там же, 2130.

³ Подробнее об этом см. в статье: А. А. Костин. Фрагментарный перевод и ценность поэзии: ранние восточнославянские стихотворные переводы из Гомера. *Philologia Classica*, 15(1), 2020, 120–153.

⁴ Подробнее об этом см. в статье: А. Н. Егунов. Ломоносов — переводчик Гомера. 1962. С. 197–218.

⁵ Ломоносов 1748, 186-188; 223–224.

XVIII в. появляются полные прозаические переводы обеих поэм Кирьяка Кондратовича («Илиада» 1758 г., «Одиссея» 1760-е гг.), а затем Петра Екимова («Илиада» 1776 г., «Одиссея» 1789 г.). Перевод Кондратовича не нашел последователей, поскольку остался в рукописи и знаком лишь специалистам, перевод же Екимова был опубликован и нашел своего читателя. Следующий за ними стихотворный перевод Е. И. Кострова был выполнен александрийским стихом в 1787 г. и остался неоконченным.⁶ Первый гексаметрический перевод начальных стихов «Илиады» принадлежит М. Н. Муравьеву.⁷ Отдельно сцену «Прощания Гектора с Андромахой» в преромантическом духе перевел Н. М. Карамзин.⁸

С 1806 по 1829 гг. «Илиаду» переводит Н. И. Гнедич. В этот же период, в 1823–1825 гг., появляется прозаический перевод «Илиады» и «Одиссеи» И. И. Мартынова. Современным Гнедичу также является буквальный, оставшийся не опубликованным, перевод «Илиады» Д. П. Попова, выполненный по заказу А. Н. Оленина.⁹ В 1853 г. Б. И. Ордынский переводит первые двенадцать песен прозой – «народным языком». В 1896 г. был опубликован гексаметрический перевод Н. М. Минского. Таков краткий обзор переводов Гомера на русский язык, предшествующих переводу М. А. Кузмина.

Перевод «Прощания Гектора с Андромахой» (л. 6, 370–502) М. А. Кузмина был опубликован в журнале «Звезда» в 1933 г. Исследователи биографии и творчества М. А. Кузмина Н. Богомолов и Дж. Малмстад сообщают,¹⁰ что новый перевод «Илиады» задумывался как поэтически-прозаический: стихи должен был переводить Кузмин, а прозу А. И. Пиотровский. Однако, как пишут

⁶ Перевод «Илиады» Кострова александрийским стихом в 21 в. продолжил филолог-классик А. И. Любжин. См. подробнее в гл. о переводе Кострова.

⁷ См. подробнее в монографии: Егунов 2001, 98-106.

⁸ Аониды, или собрание разных новых стихотворений. 1796. Кн. 1. С. 105-116.

⁹ Егунов 2001, 176.

¹⁰ Богомолов, Малмстад 2007, 478.

Богомоллов и Малмстад, перевод не был осуществлен: о вкладе Пиотровского сведений не сохранилось, Кузмин же опубликовал лишь «Прощание Гектора с Андромахой».

В нашей работе впервые, насколько нам известно, предлагается исследование перевода Кузмина. Чтобы оценить его перевод по достоинству, нужно рассмотреть переводы его предшественников, в особенности те, которые могли непосредственно повлиять на его работу, а именно: переводы Н. И. Гнедича и Н. М. Минского. Наряду с ними мы рассматриваем также и переводы, которые предшествовали переводу Гнедича, чтобы оценить их влияние на последнего, а следовательно, опосредованно – через традицию перевода Гомера в конце XVIII и в XIX вв. – и возможное влияние на перевод М. А. Кузмина. Это переводы П. Е. Екимова, Е. И. Кострова и И. И. Мартынова (мы оставляем за пределами исследования неопубликованные переводы).

Переводам предшественников М. А. Кузмина посвящены первые три главы работы. В каждой главе дается биографический очерк переводчика (в первую очередь нас интересует образование переводчика, в особенности его уровень знания древнегреческого языка, история перевода им «Илиады»), затем рассматриваются особенности языка и стиля перевода, его метрические особенности, если речь идет о стихотворном переводе, наконец, влияние уже существующих переводов.

В четвертой, основной главе, речь идет об истории перевода М. А. Кузмина, которую мы восстанавливаем по его дневникам, а также пользуясь исследованиями Н. Богомоллова, Дж. Малмстада, С. Шумихина и Г. Морева. Затем исследуются художественные особенности перевода Кузмина и влияние на него предшествующей традиции.

В качестве метода исследования мы выбрали сравнительный анализ передачи разными переводчиками гомеровских постоянных эпитетов и эпических формул, которые встречаются в сцене «Прощания Гектора с

Андромахой». Особое внимание уделяется разным способам передачи имен собственных. Кроме стиля перевода, в гексаметрических переводах анализируется соотношение дактилей и спондеев (хореев) в стихе.

Главным ориентиром в анализе переводов «Илиады» для нас послужила монография А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков».¹¹ Из стиховедческих исследований следует назвать «Историю русского гексаметра» Ричарда Бёрджи (R. Burgi),¹² посвященную истории гексаметра в русской литературе в диахронии, а также «Историческую типологию русского гексаметра» М. Ю. Лотмана, в которой рассматриваются различные типы гексаметра в русской традиции и приводится обширный статистический материал.

Перевод М. А. Кузмина в названных монографиях не упоминается.

Результаты сравнительного анализа перевода гомеровских эпитетов мы вынесли в приложения к работе: в Приложении 1 предлагаются таблицы с указанием греческих эпитетов и их переводом Екимовым, Костровым и Гнедичем; в Приложении 2 – Гнедичем, Минским и Кузминым.

¹¹ Мы работали со вторым её изданием, вышедшем в 2001 г. (см. библиографический список).

¹² Burgi 1954.

Глава 1. «Прощание Гектора с Андромахой» (II. 6. 370–502) в переводах предшественников Гнедича

1.1 Перевод П. Е. Екимова

Первая публикация полного перевода «Илиады» с древнегреческого языка появилась в Санкт-Петербурге в 1776, 1778 гг., перевод был выполнен в прозе Петром Екимовичем Екимовым.¹³

Сведения о жизни Екимова скудны, годы его рождения и смерти неизвестны.¹⁴ Около 1752 г. он поступает в Новгородскую духовную семинарию. Затем, в 1757 г. приезжает в Петербург, где И. И. Шувалов, куратор Московского университета, лично принимает его в гимназию для разночинцев при Московском университете, где Екимов изучает древнегреческий и латинский языки, которыми затем продолжает углубленно заниматься уже в самом университете.

В 1765 г. Екимов становится известен императрице Екатерине II, которая распоряжается зачислить его на статскую службу с обер-офицерским чином. В этом же году Екимов обращается с просьбой на высочайшее имя назначить его переводчиком в Синод и прикладывает аттестат от бывшего синодального

¹³ Омировых творений часть I, содержащая в себе двенадцать песен Илиады. Пер. с греческого языка Коллежский Секретарь Петр Екимов. СПб. При Императорской Академии Наук. 1776 г.; Омировой Илиады часть II, содержащая в себе последние двенадцать песен. Пер. с греческого языка Коллежский Секретарь Петр Екимов. СПб. При Императорской Академии Наук. 1778 г.

¹⁴ Сведения о жизни Екимова см. в биографической статье: С. И. Николаев, В. П. Степанов. Екимов Петр Екимович. Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1. Л. 1988: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=825> (дата обращения: 10.05.2023).

переводчика Г. А. Полетики, свидетельствующий, что он, Екимов, «хорошее знание имеет и с оных <греческого и латинского> на российский язык изрядно переводить может».¹⁵ Прошение частично удовлетворяется. Екимов назначается в Синод «к переводческим делам», где в течение трех лет готовит к изданию толковый словарь персонажей античной мифологии «Храм древности»,¹⁶ содержащий в основном имена греческих, римских и египетских богов. Примечательно, что имя переводчика не указано ни на титульном листе, где сказано, что словарь «собран из разных греческих и латинских, как древних, так и новейших писателей, переведен на российской язык», ни в «Преуведомлении» переводчика.

В 1770-е годы Екимов уже работает над переводом «Илиады». Об этом имеются два свидетельства: одно – в письме Екатерины к Вольтеру (1770 г.), в котором императрица сообщает, что «Гомер переводится на русский»;¹⁷ второе – в академическом журнале «Собрание новостей» за ноябрь 1775 г., где И. Ф. Богданович пишет, что «Илиада, поэма древнего греческого стихотворца Гомера, хотя еще только в печать назначена, но можно о сей книге сообщить некоторые примечания...».¹⁸ Отметим, что ни в одном из этих сообщений не называется имя переводчика.

Перевод первых 12-ти песен «Илиады» был завершён к 1773 г. для «Общества, старающегося о напечатании книг» Н. И. Новикова в Петербурге, однако был опубликован в типографии при Академии наук только в 1776 г., а через два года в печати появился и перевод остальных 12-ти песен.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В статье о Екимове название словаря приводится с ошибкой: «Храм древностей». Корректное название: «Храм древности», Санкт-Петербург, 1771. <https://vivaldi.nlr.ru/bx000024776/view/?#page=5> (дата обращения 10.05.2023).

¹⁷ Егунов 2001, 48.

¹⁸ Собрание новостей. Санкт-Петербург, 1775. Ноябрь. С. 102.

И. Ф. Богданович в «Собрании новостей» за 1776 г. дает следующую оценку перевода: «Перевод Омировых, или Гомеровых, стихотворений, ныне издаваемый, может служить некоторою эпохою российских словесных наук, кои преподают нам красоты славного греческого творца в их, так сказать, природном изображении и обещают нам своих собственных Гомеров».¹⁹

Согласно А. Н. Егунову,²⁰ автору книги «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков», Екимов переводит «Илиаду», ориентируясь не на некий искусственно конструируемый риторический «высокий штиль», а на выработавшийся стиль воинских повестей и «Истории о разорении Трои». Екимов намеренно удаляется от обыденной речи и прибегает к книжно-славянскому языку.

Рассмотрим стилистические и лексические особенности перевода Екимовым сцены «Прощания Гектора с Андромахой».

Примеры книжно-славянской лексики: «башня» – «стражница», «стена» – «твердыня», «улицы» – «стогны», «дом» – «чертоги», «одежда» – «риза»; «шея» – «выя», «грудь» – «перси», «плечи» – «рамена», иногда «плещи»; «кормилица» – «питательница»; «встреча» – «сретенье».

Полногласным вариантам слов Екимов предпочитает неполногласные: «дщерь», «град», «праг», «древа» и пр. Помимо этого использует такие слова как: «зело», «абие», «паче», «аки», «купно», «противо», «воистинну». Прибегает Екимов и к глагольным формам старославянского языка: «пришед», «рекл», «обретши», и к старославянским местоимениям: «погубит *тя* крепость твоя», «печаль снесть *мя*».

Имена в его переводе даются в их позднегреческом звучании: Екава (Гекуба), Ектор (Гектор), Ифест (Гефест), Ворея (Борей), Иетион (Этион) и т. д. Среди греческих имен богов встречаются и латинские: Юпитер, Плутон. Иногда

¹⁹ Собрание новостей. Санкт-Петербург, 1776. Декабрь. С. 44.

²⁰ Егунов 2001, 57.

Зевс именуется Дием. В «Истории о разорении Трои» Зевс именуется Юпитером или Зевесом. Похоже, Екимов здесь следует иным образцам древнерусской литературы (например, «Хронографу» Иоанна Малалы или «Хронике» Георгия Амартола). В «Храме древности» есть статья о Юпитере и нет статьи о Зевсе.

В переводе Екимова Ἀχιλλεύς (*passim*) – «Ахилл», при том, что имя Ἴδομενεύς (ст. 436) он переводит как «Идоменей». Дуалис Αἴαντε (ст. 436) Екимов передает формой с прозрачной основой слова – «Аянты» (привычным станет более поздний вариант «Аяксы»). Патроним Ἀτρεΐδης в ст. 437 Екимов не передает и говорит: «Агамемнон», «Менелай». Вместо описательного Τυδέος υἱόν «сын Тидея» в этом же стихе у Екимова появляется «Диомид».

Особого внимания в переводе Екимова заслуживают гомеровские эпитеты. Благодаря использованию двусоставных прилагательных Екимов передает колорит гомеровских композитов или устойчивых сочетаний. Например, для εὖ ναιετάων (ст. 370) Екимов создает эпитет «благообитаемые» (подразумеваются «покои»); этот же эпитет по отношению к Фивам Екимов передает прилагательным «преславный город» (ст. 415). Для слова ἐνκτίμενος он создает эпитет «благонаселенные» (ст. 391). Эпитет Артемиды ἰοχέαιρα Екимов передает то как «стреломещущая» (ст. 428), то как «красящаяся стрелами» (II, 5, 53).

Другие гомеровские композиты Екимов переводит описательно, с помощью причастия с дополнением: эпитет Гектора κορυθαίολος – как «красящийся шлемом» (ст. 116) и «красящийся великолепным шлемом» (ст. 263); эпитет троянок εὐπλόκαμοι – «красящиеся власами» (ст. 380). Похожий эпитет служанки εὐπεπλος («в красивой одежде», ст. 372, 383) он опускает в переводе. Эпитет Гектора ἰπλιοχαίτης Екимов переводит особенно подробно: «шлем со страшно колеблющимися конскими волосами» (ст. 469).

Нередко лексику для перевода Екимов заимствует из литературной русской речи своего времени. Так, украшающий эпитет Андромахи λευκώλενος Екимов передает как «прекрасная» (ст. 371), другой постоянный эпитет Андромахи πολύδωρος как «великоименитая» (ст. 394). Эпитет Иетиона μεγάλητωρ у Екимова «мужественный» (ст. 395); эпитет лона κηώδης «благовонное» (ст. 484); эпитет Астианакса ἀγαπητόν «возлюбленный» (ст. 461); эпитет Гектора θαλερός «дражайший» (ст. 430). Слова Андромахи о себе ἄμωρος «обездоленная» переводит как «оставленной». Слово πότνια Екимов переводит как «почтеннейшая» (ст. 264). Двусоставный эпитет Гектора χαλκοκορυστής Екимов заменяет нейтральным прилагательным «храбрый» (ст. 398). Этим же прилагательным в ст. 423 он переводит и постоянный эпитет Ахилла ποδάρκης (букв. «быстроногий»), в то время как в ст. 653 III песни в сочетании ποδάρκης δῖος переводит: «скороногий божественный Ахилл».

Екимов нередко непоследователен в передаче эпитетов. Один и тот же эпитет в зависимости от контекста он переводит по-разному. Например, эпитет Афины δεινή Екимов переводит как «жестокосердая» в ст. 380, его же в ст. 182 как «великая». Эпитет φίλος, употребленный в «Прощании» четыре раза, переводится лишь дважды: то как «любезный», то как «возлюбленный». Сюда же отнесем эпитет ἀμύμων («безупречный», «безупречная»), который Екимов переводит как «благая», когда речь идет об Андромахе (ст. 374), «знаменитый» (ст. 155) и «храбрый» (ст. 216) по отношению к Беллерофонту, наконец «добродетельный» о Даресе (II. 5, 9).

Эпическую формулу σεβάσσατο γὰρ τό γε θυμῷ Екимов также передает различно: то «страшится в своем сердце» (ст. 167), то «сохраняя преданную святость» (ст. 417).

От перевода некоторых эпитетов в «Прощании» Екимов и вовсе отказывается. Например, опускает эпитет Зевса αἰγίοχος (ст. 420), хотя в предыдущих песнях переводит его как «Егиох» (II. 5, 115). То же происходит и с

epitheton ornans Гектора φαίδιμος, который трижды встречается в «Прощании». Екимов ни разу его не переводит, хотя ранее, по отношению к Тидею, передает его как «знаменитый» (ст. 155). Продолжим список эпитетов, от перевода которых Екимов отказывается: эпитет оружия Приама δαιδάλεον (ст. 419); Идоменея ἀγακλυτὸν (ст. 436); сына Тидея ἄλκιμον (ст. 437); эпитет троянок ἐλκεσίπελλοι (ст. 442); Приама ἐυμμελής (ст. 449); ахейцев χαλκοχίτων (ст. 454); троянцев ἰπλόδαμοι (ст. 461), хотя ранее переводит его как «усмирители коней» (II.3, 343); кормилицы εὐζωνος (ст. 467); Гектора ἀνδροφόνοσ (ст. 498). Эпитеты тельцов εἰλλόδεσσι («тяжело влачащие ноги») и овец ἀργεννοί («среброрунные») в стихе 424 он передает описательно: «при пастве бесчисленных стад».

Ряд слов Екимов передает в их греческом звучании: определение Фив ὑποπλάκιος как «в Фивском Ипоплаке»; эпитет нимф ὀρεστιάδες как «Орестиады».

Не избегает Екимов непоследовательности при переводе обращения δαιμόνιε: сначала Андромахи к Гектору, затем Гектора к Андромахе. Оба раза Екимов передает одинаково: «возлюбленный» и «возлюбленная». Однако его же, но в обращении к Елене передает как «несчастливая» (ст. 326).

Екимов предваряет перевод «Илиады» жизнеописанием Гомера и примечаниями, которые по большей части имеют характер глосс. В жизнеописании Гомера интересным представляется характеристика эпического языка Гомера: «Всей Греции наречия видны в делах его <Гомера>».²¹ Екимов понимает это буквально: «Из сего заключается, что ни одного места в Греции не оставил, где бы ни странствовал».²² Упоминает Екимов и об эпических повторах: «Повторение следующее, хотя и излишнее (так, как и во многих местах), но я, стараясь соблюсти порядок в писании творца сего, почел за

²¹ Екимов 1776, с. 2. «Жизнь Омира».

²² Там же.

нужное следовать ему».²³ Действительно, Екимов держится этого принципа на протяжении всей работы, хотя и не всегда последовательно.

Прозаический перевод Екимова некоторое время считался самым полным и весьма точным «русским Гомером».²⁴ Однако после стихотворного перевода Ермила Кострова отношение к нему меняется, поскольку в художественном смысле он уступает талантливому переводу Кострова. Тем не менее, исторически труд Екимова ценен тем, что он не только остается первым опубликованным полным переводом «Илиады» на русский язык, но и является связующим звеном между явлениями древнерусской литературы и творческим переводом Гнедича.²⁵

1.2 Перевод Е. И. Кострова

Новый перевод «Илиады», на этот раз стихотворный, был предпринят Ермилом Ивановичем Костровым (1755–1796) в 1787 г. и посвящен Екатерине II.²⁶

Древнегреческий язык Костров изучал в Славяно-греко-латинской академии, куда он был определен после Вятской духовной семинарии, а затем с 1776 г. в Московском университете, где курсы греческой и латинской словесности он слушал у знаменитого Х. Ф. Магтеи.²⁷ В 1782 г. И. И. Шувалов зачислил его в штат «университетским стихотворцем». Костров становится известен как

²³ Там же, 221.

²⁴ Николаев, Степанов. Указ. соч.

²⁵ Егунов 2001, 57.

²⁶ Песни 1–6 переведены в 1787; перевод песен 7, 8 и начала 9-й изданы после смерти Кострова в «Вестнике Европы, 1811. № 14–15; перевод не был завершен.

²⁷ А. Б. Шишкин. Костров Ермил Иванович. Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2. СПб. 1999: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=1167> (дата обращения 15.05.2023).

сочинитель од (среди адресатов его од были Екатерина II, А. В. Суворов и др.) и блестящий переводчик.

А. Н. Егунов объясняет «запоздалое» появление стихотворного перевода «не столько наличием уже прозаического перевода Екимова, сколько вообще трудностью восприятия Гомера», в особенности на фоне имевшего широкий резонанс спора о древних и новых.²⁸ Не удивительно, что перевод Кострова, появившийся в то время, когда русская литература находилась под влиянием французского классицизма, был выполнен рифмованным александрийским стихом.²⁹

При переложении гексаметра александрийским стихом количество строк в переводе неизбежно увеличивается: сцена «Прощания Гектора с Андромахой» в подлиннике занимает 133 стиха (370–503), в переводе же Кострова увеличивается до 157 стихов (425–582) и состоит из 79 дистихов.

«Парность и симметричность», по выражению Егунова,³⁰ александрийского стиха ведет у Кострова к повторам, необходимым для того, чтобы заполнить стих: «*во гробе мать моя, во гробе мой отец*» (ст. 475) или «*куда отшла, куда моя супруга скрылась?*» (ст. 433). Часто Костров заполняет место в стихе указательным местоимением «сей», отсутствующим в оригинале: «*Царицу мать мою сей враг, сей ужас сильным*» (ст. 479); «*Или Паллады в храм, где сонмы жен других, / К богине сей лиют мольбы сердец своих*» (ст. 435–436); «*И грудию твой плод питающа утешный, / Сей плод на руки взяв, с ним в путь текла поспешный*» (ст. 445–446).

²⁸ Там же, 81; Спор о древних и новых. Сост., вступ. статья В. Я. Бахмутского; комментарий В. Я. Бахмутского и Н. В. Наумова; пер. с фр. Н. В. Наумова. М.: Искусство, 1985.

²⁹ О переводе Кострова и особенностях александрийского стиха на русской почве см. Егунов 2001, 81–97. В. П. Смышляева считает, что перевод Кострова был выполнен по французским переложениям «Илиады». Смышляева 2021, 190.

³⁰ Там же, 82.

С помощью того же местоимения он слагает рифмы: «Несущую дитя в объятиях своих, / Единый, милый плод любви супругов *сих*» (ст. 455–456); «Все радости мои во имени твоём, / Ты пожалей о мне, и о младенце *сем*» (ст. 495–496). Так же функцию рифмовки выполняет прилагательное «толикий»: «И стой при башне здесь, страдалец бед *толиких!* / Но рать на сем холме, где лес смоковниц диких» (ст. 497–498); «Да будет некогда Приаму он владыкой, / И силой облечен, и крепостью *толикой*» (ст. 453–454).

У Кострова в переводе «Прощания» заметны повторы слов, причем они не имеют никакого отношения к повторам гомеровских формул: «утехи» («*Утех*, радости меня оставят вечно» (ст. 473)), «О, даруйте, да сей, мой сын, *дитя утех*» (ст. 551)); «плод» («И грудью твой *плод* питающа утешный» (ст. 445), «Сей *плод* на руки взяв» (ст. 446), «мил Гетеона *плод*» (ст. 451), «Единый, милый *плод* любви супругов *сих*» (ст. 456)); «сонм» («*сонм* их полков» (ст. 571), «*сонм* жен» (ст. 435)).

От французского классицизма в переводе Кострова имеется ряд патетических восклицаний: «*Нет!* мужеству внемлю; я бранем изучен» (ст. 511), «*О!* паче мер рекла» (ст. 465).

Необходимость рифмовки ведет у Кострова к отступлениям от оригинала: «Начальнейша из них в ответ рекла *Герою*: / О Князь! велишь вещать, я истины не скрою». По этой же причине Гектор именуется то «князь» (ст. 438), то «вождь» (ст. 447), то «великодушный воин» (ст. 465). Так, гомеровский эпитет Ахилла δῖος «божественный» (ст. 414) Костров переводит: «Его поверг мечем Ахилл, *всех бед творец*» (ст. 476), что составляет рифму с предыдущим стихом («отец – творец»). Эпитет Этиона μεγάλῆτωρ «мужественный» (ст. 395) переводит: «Что киликийцам был *источником щедрот*» (ст. 452). Рифма с предыдущим стихом: «плод – щедрот». Постоянный эпитет Гектора κορυθαίολος «потрясающий шлемом» (ст. 369) переводит как «сей вождь родящий страхи»

(ст. 425). Эпитет Артемиды ἰοχέαιρα «мечущая стрелы» (ст. 428) переводится описательно: «Преторглась в доме жизнь Дианиной *стрелой*» (ст. 492).

Некоторые эпитеты Костров передает «банальными поэтизмами»³¹: эпитет Андромахи πολύδωρος (ст. 394) как «прекрасна и нежна» (ст. 451); ἀγαπητός (ст. 401) о сыне Гектора: «*Прекрасный, как звезда, прелестный, драгоценный*» (ст. 457). Или: «И дочери Зевсовы, *прелестны* нимфы гор» (ст. 484). Слово Андромахи о Гекторе θαλερός «в расцвете сил» или «сильный» (ст. 430) как «милый». Обращение δαιμόνιε Андромахи к Гектору Костров переводит как «великодушный воин» (ст. 465), Гектора к Андромахе как «возлюбленна моя» (ст. 507).

Обращает на себя внимания интерпретация Костровым некоторых из гомеровских эпитетов в «Прощании»: эпитет Андромахи λευκόλενος «белолокотная» (ст. 370) Костров переводит как «белогрудая» (ст. 426). Слово Андромахи о себе ἄμωρος «обездоленная» (ст. 408) Костров передает как «несчастливая» (ст. 472). Слово κακός «дурной», употребленное по отношению к Гектору, Костров переводит как «робкий» (ст. 510). Эпитет дома εὖ ναιετῶν «тот, в котором хорошо жить» (ст. 497) передает как «светлый дом» (ст. 576). Эпитет Диомеда ἄλκιμος «мужественный» (ст. 437) – как «безстрашный» (ст. 502)

Наконец, Костров не переводит следующие эпитеты: εὖπεπλος (ст. 372), ἀμύμων (ст. 374), δεινή (ст. 379), εὐπλόκαμος (ст. 380, 385), ὀτρηρά (ст. 381), ἐυκτίμενος (ст. 391), ἀγακλυτόν (ст. 436), ἐλκεσίπεπλος (ст. 443), ἐυμελής (ст. 449), εὐζωνος (ст. 467), πότνια (413), ἀνδροφόνος (ст. 498), ἰπλόδαμος (ст. 461), χαλκοκορυστής (ст. 398), αἰγίοχος (420), ποδάρκης (ст. 423), χαλκοχίτων (ст. 454), φαίδιμος (ст. 466, 472, 494).

Перевод Кострова, как и перевод Екимова, изобилует лексическими славянизмами: «купно», «паче», «во сретенье», «дщерь», «длани», «уста»,

³¹ Егунов 2001, 88.

«праг», «град», «вдовица» и другие. Слово «перси» Костров применяет, как и Екимов, как по отношению к мужской груди – «И персей не пронзай хулы твоей стрелами» (II, 3, 461); так и к женской – «Она его прияв, к *горячим персям* жмет» (ст. 560). В других стихах Кострова женская грудь именуется «лоном»: «Она бо слыша весть для нежна страшну *лона*» (ст. 442), «И к *лону* мягкому прислужницы приник» (ст. 544). Перенимает у Екимова Костров и слово «корысть» в значении доспехи: «С *корыстью* мноною, с победой над врагом» (ст. 556). Характерно использование Костровым слова «ульмы», которое Гнедич использует в своем переводе: «Создал над прахом могилу; и окрест могилы той ульмы» (ст. 419)

Слово *κόρυς* «шлем» (ст. 470, 473) Костров переводит как «шишак». Эпитет гребня *ἰπλοχαίτης* «из конской гривы» (ст. 469) он переводит описательно: «оперенный, и конскими власы на ужас отененный» (ст. 542). Здесь Костров не учитывает одну из реалий гомеровского эпоса: у греков не было шлемов, украшенных перьями.

Имена греческих богов в сцене «Прощания» звучат в их латинском варианте, а героев – в греческом: «Минервин храм», «Дианина стрела», «Плутоновы страны», однако *Ἀχιλλεύς* – «Ахилл», *Σκαμάνδριος* – «Скамандр», *Αἴαντε* – «Аяксы», *Ἄτρεΐδης* – «сыны великого Атрея», *Ἴδομενεύς* – «Идомений», *Τυδέος υἱόν* – «сын Тидея». Имя *Ἠετίων* Костров переводит с густым придыханием – Гетеон. Название ворот *Σκαίαι* Костров переводит, латинизируя, как «Сцейские», оставляет без перевода эпитет города Фивы *ὑποπλάκιος* «лежащий под горою Плакос» как «Гипоплакийские».

Перевод Кострова был хорошо воспринят в обществе и вызвал мгновенный отклик в печати. Приведем отзыв рецензента «Современника» В. Гаевского: «Близость перевода, плавный для своего времени стих, самая огромность и новость предприятия – все это удивляло современников и действительно было

достоинством произведения».³² Егунов пишет, что перевод Кострова долгое время находил своих читателей, даже после гексаметрического перевода Гнедича.³³

Известно, что перевод Кострова остался неоконченным, им были переведены 1–8 песни и часть 9-й до ст. 480.

В 21-м веке перевод Кострова довел до конца московский филолог-классик А. И. Любжин, подражая слогу Кострова и сохраняя размер – рифмованный александрийский стих.³⁴

1.3 Перевод И. И. Мартынова

Иван Иванович Мартынов (1771-1833) окончил Полтавскую духовную семинарию (1787), затем продолжил образование в Александро-Невской духовной семинарии (1788-1792). За отличное знание древних языков оставлен в *alma mater* преподавателем (1792-1795).³⁵ В 1803-1817 гг. возглавлял Департамент народного просвещения (там же Гнедич некоторое время служил писцом). В начале 1800-х опубликовал первые переводы греческих авторов: «Анакреоновы стихотворения» (СПб., 1801; 1829 с греч. текстом) и трактат Псевдо-Лонгина «О высоком, или величественном» (М., СПб., 1803, 1826). За

³² Гаевский 1850, 41.

³³ Егунов 2001, 94.

³⁴ Гомер. Гомерова Илиада. Пер. с др.-греч. Е.И. Кострова и А.И. Любжина. М., 2019.

³⁵ Сведения о жизни Мартынова смотреть в биографической статье: В. А. Теплова. Мартынов Иван Иванович. Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2. СПб. 1999: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1014> (дата обращения: 16.05.2023).

годы 1823-1829 издал 26 томов серии «Греческие классики», куда входили прозаические переводы Гомера, Геродота, Софокла, Анакреонта и других.³⁶

Прозаический перевод «Илиады»³⁷ И. И. Мартынова был опубликован в 1823-1825 гг. Издание печаталось с параллельным греческим текстом. Первоначально идея Мартынова заключалась в том, чтобы помимо литературного прозаического перевода дать перевод «междустрочный» (осуществлен только в I песни). Однако, начиная со II песни, Мартынов переводит только литературно, а то, что касается разницы между «буквальным» и «литературным» переводом помещает в примечания.³⁸ Оттуда же, по многочисленным комментариям, мы узнаем, что Мартынов берет за образец французский перевод П. Битобе (1762, 1764), хотя и переводит непосредственно с греческого.

Лексически перевод Мартынова близок к переводам Екимова и Кострова. Он также изобилует славянизмами: «град», «дщерь», «чертоги», «твердыня», «вдовица»; «купно», «во сретение», «колико», «трикраты», «токмо», «отколе»; «отыди», «ниспошлет», «возлезать», «вещав», «снити», «подъемлет» и др. Оригинален неологизм Мартынова «вздоительница», передающий слово τῆθηνη «кормилица» (ст. 389). Слово «перси» в переводе Мартынова употребляется применительно к женской и мужской груди: «Андромаха склоняясь на перси Гектора» (ст. 406); «прислужница, несущая у персей» сына Гектора (ст. 399).

Примечательна работа Мартынова с двусоставными эпитетами. Для многих из них в сцене «Прощания» Мартынов придумывает «новосоставленные»

³⁶ В. П. Смышляева. Иван Иванович Мартынов. Словарь петербургских антиковедов. Т.2. СПб., 2021. С. 488-492.

³⁷ Омирова Илиада, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика (Греческие классики, переведенные с греческого языка Иваном Мартыновым, чч. VII-X. СПб., 1823-1825.

³⁸ Егунов 2001, 276.

слова. Например, эпитет дома Гектора εὖ ναιετάων (ст. 370) Мартынов переводит как «благожитный», его же в качестве определения Фив в ст. 415 как «благонаселенные» (этим прилагательным Екимов переводит эпитет улиц ἐυκτίμενος в ст. 391). Эпитет Иэтиона μεγάλητωρ (ст. 395) переводит как «велесердный». Эпитеты Андромахи λευκώλενος (ст. 370) как «белораменная» и πολύδωρος (ст. 394) как «многодаровитая». Эпитет тельцов εἰλίπους «влачащий ноги» в ст. 424 Мартынов переводит достаточно тяжело: «косноходные» (в примечании «косноногие»). Эпитет гребня на шлеме Гектора ἰπλιοχαίτης (ст. 469) как «коневласый». Эпитет Зевса αἰγίοχος («эгидодержавный») в ст. 420 как «эгидоносный». Эпитет ахейцев χαλκοχίτων в ст. 454 как «меднобронные» (такой же у Минского в ст. 453). Эпитет Приама ἐυμμελής «с копьем из ясеня» (ст. 449) как «искусный в копьеметании».

В древнегреческих композитах с начальным εὖ- в переводе Мартынова появляется лепо-: εὖπεπλος (ст. 372, 383) – «лепоризая»; εὖπλόκαμος (ст. 380, 385) – «леповласые».

Ряд постоянных эпитетов Мартынов переводит «в знаменовании не первоначальном, а во втором, или какое прилично».³⁹ Так, эпитет Гектора κορυθαίολος в ст. 369 Мартынов переводит как «неустрашимый»; в ст. 440 как «быстродвижный»; эпитет Ахилла δῖος (в примечании «божественный») как «великий» (ст. 414) и «неодолимый» (ст. 423); эпитет Гектора χαλκοκορυστής («меднопанцирный») в ст. 398 как «медношлемный»; эпитет Артемиды ἰοχέαιρα («сыплющая стрелы») в ст. 428 как «стрелолюбивая»; эпитет троянок ἐλκεσιπέπλοι (ст. 442) переводит как «длинноризые» (в примечании «длиннопокровные», или ближе «влекущие покровы»).

Для некоторых эпитетов Мартынов предлагает буквальный перевод: эпитет Андромахи ἀμόμων в ст. 374 – «непорочная», Афины δεινή в ст. 380 – «страшная», Диомеда ἄλκιμος в ст. 437 – «храбрый», Идоменея ἀγακλυτός в ст.

³⁹ Там же, 286.

436 – «преславный», Гектора θαλερός (ст. 430) – «любезный», Астианакса ἀγαπητός (ст. 401) – «возлюбленный», эпитет улиц ἐνκτίμενος (ст. 391) – «благоустроенные» («стогны»). Сюда же можно отнести эпитеты: овец ἀργεννός (ст. 424) – «белые», эпитет нимф ὄρεστιάς (ст. 420) – «горные», эпитет оружия Иэтиона δαιδάλεον («искусно сделанное») в ст. 418 – «доспехи богатые».

Эпитет матери Андромахи в гомеровской формуле πότνια μήτηρ (ст. 413), а затем и самой Андромахи (ст. 471) Мартынов всегда переводит как «почтенная». Слово φίλος Мартынов переводит по-разному: в ст. 471 «нежный отец», в ст. 474 «возлюбленный сын», в ст. 482 по отношению к Андромахе как «милая супруга», в ст. 468 не переводит.

Иногда Мартынов опускает двусоставные эпитеты. Так, в «Прощании» он не переводит эпитет Гектора ἀνδροφόνος (ст. 498), троянцев ἰπλόδαμος (ст. 461), кормилицы Астианакса εὔζωνος (ст. 467), Ахилла ποδάρκης (ст. 423). Трижды повторяющийся эпитет Гектора φαίδιμος (стт. 466, 472, 494) он переводит лишь в одном месте – как «знаменитый». По этому поводу Мартынов говорит: «Омир прилагательные имена часто употребляет такие, без коих в переводе можно, а часто и должно обойтись. Взяв на себя обязанность представить перевод как можно близкий к подлиннику, я не часто осмеливаюсь выкидывать то, что почитаю даже излишним».⁴⁰

Обращение Андромахи к Гектору δαμόνιε (ст. 407), а затем Гектора к Андромахе (ст. 486) Мартынов переводит как «о, воин неустрашимый» и «несчастливая». В примечании приводит комментарий Битобе: «Гель слово сие называет родовым выражением удивления, нежности и гнева. Лебо выражает оное двумя словами: Cher et cruel, любезный и жестокий».⁴¹

Имя матери Андромахи Ἐκάβη Мартынов передает в позднегреческой форме: «Экава», хотя Ἴκτωρ как «Гектор»; имя Ἴητίων – «Иэтион»; патроним

⁴⁰ Там же, 285.

⁴¹ Мартынов 1823: «Примечания. Песнь VI».

Ἀτρείδης – «оба Атреевы сына»; дуалис Αἴαντε – «оба Аякса»; Τυδέος υἱόν – «сын Тидеев»; Ἴδομενεύς – «Идомений»; Ἀχιλλεύς – «Ахилл».

В переводе Мартынова не обнаруживается следов знакомства с прозаическим переводом Екимова. За исключением совпадения эпитета «благонаселенные», передающим у Екимова определение улиц ἐυκτίμενος (ст. 391), а у Мартынова определение Фив εἰς ναετῶν (ст. 415). Впрочем, это может быть совпадением. В примечаниях к «Илиаде» Мартынов упоминает о стихотворном переводе Кострова: цитирует его, а иногда и полемизирует с ним.⁴² Одновременно с Мартыновым «Илиаду» переводил Гнедич. По словам, А. Н. Егунова, у последнего нельзя обнаружить заимствований из перевода Мартынова, хотя он мог его читать, т. к. перевод Мартынова вышел раньше (1823–1825).⁴³ Не исключено, что перевод Мартынова в какой-то мере мог быть использован Н. М. Минским: у них совпадает примечательный перевод эпитета ахейцев χαλκοχίτων как «меднобронные» (Минский: ст. 453).

Прозаический перевод «Илиады» Мартынова имел просветительское значение: многие читатели познакомились с Гомером именно по его изданию.

⁴² Там же, 278.

⁴³ Там же, 292.

Глава 2. Перевод «Прощания Гектора с Андромахой»

Н. И. Гнедича

Николай Иванович Гнедич (1784–1833)⁴⁴ начал изучать древнегреческий язык в Полтавской духовной семинарии (1793–1797 гг.), затем продолжил в Харьковском коллегиуме, в 1800 г. он поступил в Московский университет, однако курса не окончил из-за отсутствия средств. С 1803 г. в разное время служил на разных должностях в Петербурге: в департаменте Министерства народного просвещения, в канцелярии Государственного совета, в Императорской публичной библиотеке. За перевод «Илиады» Гнедич взялся в 1806–1807 гг. по совету поэта и драматурга В. В. Капниста, дружески к нему относившегося, а в 1809 г. по ходатайству И. И. Гагарина и вел. кн. Екатерины Павловны он получил «пенсион на совершение перевода» Гомера.⁴⁵ Перевод задумывался Гнедичем как продолжение неоконченного труда Кострова, остановившегося на VI песни.

В 1808 г. в «Прибавлении» к «Драматическом вестнику» Гнедичем анонимно публикуются отрывки из VII песни «Илиады».⁴⁶ Авторство Гнедича устанавливается на основании совпадения первой публикации с текстом отдельного издания VII песни, вышедшего в 1809 г. уже полностью.⁴⁷ В 1811 г. в

⁴⁴ Сведения о жизни Гнедича с подробной библиографией см. в биографической статье: В. П. Смышляева. Гнедич Николай Иванович. Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века. Т.1. СПб. 2021, 188–193.

⁴⁵ Смышляева 2021, 189.

⁴⁶ Единоборство Гектора и Аякса. Из VII песни Илиады. Перевод с греческого // Драматический вестник. 1808. Ч. 5. Прибавление, с. 23 и сл. и с.109 и сл. (стихи 65–91), 188–307, 327–336, 421–436 (промежутки заполнены прозаическим пересказом содержания).

⁴⁷ Егунов 2001, 135.

бумагах Кострова находят перевод VII, VIII и части IX песней. Несмотря на это в следующем году Гнедич без подписи автора публикует перевод VIII песни (IX песнь остается в рукописи), в примечании к которому добавляет: «... никогда бы не посмел коснуться к песням, Костровым переведенным, заслужившим справедливое уважение. Полагая, по изданию к общему слуху, что он перевел 6 песен, начал я с 7. Но неожиданно из “Вестника Европы” нынешнего года увидал, что невольно введен в опасное мне состязание».⁴⁸

В дальнейшем Гнедич отказывается от александрийского стиха и обращается к гексаметру. В предисловии к полному изданию 1829 г. Гнедич напишет: «Я убедился опытом, что перевод Гомера, как я его разумею, в стихах александрийских невозможен, по крайней мере для меня».⁴⁹

В 1813 г. в журнале «Чтение любителей русского слова» Гнедич публикует гексаметрический перевод отрывков из VI песни «Илиады»: стихи о сражениях героев (1–118) и «Прощание Гектора с Андромахой» (стт. 386–516).⁵⁰ В этом же номере журнала публикуется письмо С. С. Уварова о гексаметре и «Ответ» на него Гнедича. В «Письме» Уваров говорит: «Возможно ли узнать экзаметр Омера, когда, сжавши его в александрийский стих и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размер, оборот, расположение слов, эпитеты. Одним словом все, что составляет красоту подлинника?»⁵¹ В «Ответе» Гнедич затрагивает техническую сторону тонического гексаметра и предлагает его различные варианты,⁵² обосновывая выбор для перевода «Илиады» – дактило-хореический гексаметр, которым написана «Телемахида» В. К. Тредиаковского.

⁴⁸ Чтение в Беседе любителей русского слова. СПб., 1812. Чтение 5-е. С. 64-113.

⁴⁹ Гнедич 1829, 11.

⁵⁰ Чтение в беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 13-е. С. 79-86.

⁵¹ Чтение в беседе... 1813. Чтение 13-е. С. 56–68.

⁵² Там же. С. 69-72.

В «Илиаде» Гнедича, по словам М. Ю. Лотмана,⁵³ решительно преобладают дактилические стихи, а для позиции стяжения предпочтительной является первая стопа. Так, на 117 стихов «Прощания Гектора с Андромахой» (386–503) в журнальной публикации 1813 г. приходится:

101 дактилический стих, напр., «К башне Тро/янской ве/ликой о/на уда/лилась из/ дому» (ст. 386);

15 стихов с одним хореем, напр., «Прежним об/ратно пу/тем, по ши/**роким** / стогнам Пер/гама» (ст. 391);

Один стих с двумя хореем, напр., «**Лобза/ет дра/жайшего/ сына и/ нежно ка/чая ру/ками**» (ст. 474).

В издании 1829 г. в сцене «Прощания» обнаруживается большее количество стихов с хореем. На 132 стиха (370–502) приходится:

99 дактилических стихов, напр., «К башне пош/ла или/онской ве/ликой: встре/**вожилась/ вестью**» (ст. 386);

33 стиха с одним хореем, из них 18 стихов с хореем в первой стопе: **Но в до/му** не на/шел Андро/махи ли/лейнора/менной» (ст. 371); пять стихов с хореем в третьей стопе: «К Скейским во/ротам (чрез/ **них был/ выход** из/ города в/ поле» (ст. 393); пять стихов с хореем в четвертой стопе: «Вышла ль к зо/ловкам сво/им, иль к не/**весткам/ пышноо/дежным**» (ст. 378); три стиха с хореем во второй стопе: «Все и в е/**диньй/день** пресе/лились в о/битель А/ида» (ст. 422). Один стих с двумя хореем: «**Ими/ заживо/ Гектор/ был** в своем/ доме оп/лакан» (ст. 500).

В девяти стихах Гнедича анапестическое начало, например: «Но судь/бы, как я/ мню, не из/бег ни о/дин земно/родный» (ст. 488); «И не/вольница, в/ Аргосе/ будешь ты/ ткать чуже/земке» (ст. 456).

Стилистическая установка Гнедича была направлена на то, чтобы читатель перенесся в эпоху Гомера и «сделался его современником». Чтобы придать

⁵³ Лотман 2011, 38.

своей «Илиаде» оттенок архаичности Гнедич применял славянизмы и диалектизмы. Помимо слога историческое своеобразие «Илиады» Гнедича отразилось в правдивой передаче быта, нравов, вооружения и утвари греков. В вопросах лексики и реалий гомеровского текста Гнедичу помогал археолог-любитель и знаток греческого искусства, директор Императорской публичной библиотеки А. Н. Оленин. Иногда он сам разъяснял Гнедичу некоторые реалии гомеровского текста, иногда обращался за консультациями к таким видным филологам-классикам, как С. Н. Дестунис и Ф. Б. Греффе.⁵⁴

По мнению А. Н. Егунова, перевод Гнедича – это единственный перевод, основанный на филологическом изучении подлинника.⁵⁵ В предисловии к первому изданию Гнедич поименно перечисляет тех, на чьи труды ему приходилось опираться: Вольф, Вуд, Поуп и другие, в особенности подчеркивая значение трудов Хр. Г. Гейне и И. Г. Фосса. Впрочем, помимо комментированного издания «Илиады» Гейне, вышедшего в 1802-1804 гг., Гнедич опирался на издание (или издания) Сэмюэля Кларка. Об этом позволяют судить данные каталога греческого фонда Императорской публичной библиотеки, в которой Гнедич служил в течение 20 лет (1811–1831), а также описание собрания личной библиотеки Гнедича.⁵⁶

Наряду с изданиями Гнедич читал немецкий перевод Фосса, принципом которого было приближать оригинал к читателю не путем уступок и упрощений, наоборот, переводчик, по Фоссу, должен заставить читателя делать шаги в сторону оригинала.⁵⁷ Гнедич, как и Фосс, благоговейно относился к каждому слову подлинника и подчинял себя переводимому поэту.

⁵⁴ Егунов 2001, 171.

⁵⁵ Там же, 179.

⁵⁶ Ермолаева 2012, 328.

⁵⁷ Егунов 2001, 181.

Для передачи эпического диалекта Гомера в качестве художественного приема Гнедич широко применял славянизмы. Функционально они в его переводе оправданы. Во-первых, они способствуют художественности перевода; во-вторых, соответствуют различию языковых пластов подлинника.⁵⁸ Также они настраивают читателя на торжественный лад. Наряду со славянизмами Гнедич прибегал к областному наречию и вульгаризмам на диалектной основе, использовал архаизмы и украинизмы.

Возвращаемся к анализу перевода сцены «Прощания Гектора с Андромахой» в журнальной публикации 1813 г. и окончательной редакции 1829 г., в особенности обращая внимание на перевод гомеровских эпитетов.

В публикации 1813 г. сцена «Прощания» начинается с краткого прозаического пересказа: «Гектор, пришедши в Троию, входит между прочим в дом свой и, не находя Андромахи, спрашивает у домашних жен, куда она удалились?» Далее Гнедич дает перевод со ст. 386, поэтому ряд эпитетов из начальных стихов «Прощания» 370–385 остается непереуведенным. В издании 1829 г. Гнедич переводит их следующим образом: эпитет дома Гектора εὖ νοιητάων (ст. 370) как «благозданный», эпитет Андромахи λευκώλενος (ст. 370) как «лилейнораменная», ἀμύμων (ст. 374) как «благая»; эпитет невесток εὖπτελλος (ст. 372, 383) как «прекрасноодежные»; εὐπλόκαμος (ст. 380, 385) как «благородные»; эпитет Афины δεινή (ст. 380) как «грозная». В ст. 379 Гнедич добавляет Афине отсутствующий в оригинале эпитет «поборница».

Начиная со ст. 386, большая часть гомеровских эпитетов в сцене «Прощания» подверглась значительной переработке в издании 1829 года по сравнению с публикацией 1813 г. Обратимся к тексту и сравним.

В публикации 1813 г. Гнедич переводит эпитет Ахилла δῖος («божественный») как «грозный» (ст. 414) и «лютый» (ст. 423); в издании

⁵⁸ Там же, 237.

перевода 1829 г. как «божественный» (ст. 414), в ст. 423 не передает.⁵⁹ Эпитет Ахилла *ποδάρκης* (ст. 423) в публикации Гнедич передает как «быстроногий»; в издании расширяет до «быстроногого ристателя». Эпитет Гектора *κορυθαίολος* (ст. 440) в публикации – «шлемом колеблющий» (в изд. «шеломом сверкающий»). Это яркий пример того, как Гнедич работает с лексикой. В данном случае Гнедич отказывается от ставшего привычным старославянского слова «шлем» и выбирает звучащее более архаично древнерусское слово «шелом». Эпитет Гектора *χαλκοκορυστής* (ст. 398) в публикации Гнедич передает как «броненосный» (в изд. «меднодоспешный»). Эпитет ахейцев *χαλκοχίτων* (ст. 454) в публикации Гнедич переводит как «гордый Ахеец» (в изд. «меднолатный»).

Формульный эпитет Гектора *φαίδιμος* (стихи 466, 472, 494) Гнедич ни разу не передает в публикации; в издании переводит его по-разному: «блистательный» (ст. 466), «божественный» (ст. 472), «бронеплещущий» (ст. 494). Очевидна стратегия Гнедича переводить эпитет каждый раз по-новому. На момент перевода Гнедича филологическая наука еще не определяла гомеровские повторы как эпические формулы.

Эпитет улиц *ἐυκτίμενος* (ст. 391) в публикации 1813 г. Гнедич передает «по широким стогнам» (в изд. «по красиво устроенным стогнам»). Слово «стогны», вероятно, заимствуется из перевода Екимова («благодонаселенные стогны»). В оригинале стоит *ἀγυιά* («улицы»). Эпитет дома *εὖ ναετᾶων* (ст. 370) в публикации передается как «светлые чертоги» (в изд. «дом устройением славный»). Эпитет Андромахи *πολύδωρος* (ст. 394) в публикации Гнедич переводит отдельным придаточным: «ветвь знаменитого дома» (в изд. «отрасль богатого дома»). Эпитет нимф *ὄρεστιάς* (ст. 420) в публикации Гнедич передает в греческом звучании: «Ореады». Эпитет оружия *δαιδάλεον* («искусно

⁵⁹ В дальнейшем для краткости будем пользоваться словами «публикация» для перевода 1813 г. и «издание» для 1829 г.

сделанное») в ст. 418 в публикации: «хитрокованное» (в изд. «с оружием пышным»).

Следующие слова также были переработаны Гнедичем: эпитет Андромахи о себе ἄμφορος в публикации как «злополучная» (в изд. «несчастливая»); Гектора о себе κακός (ст. 443) в публикации «бесчестный» (в изд. «робкий» как у Кострова (ст. 510)); слово ὑλήεις (ст. 396) в публикации «лесами венчанный» (в изд. «лесистый»). Определение Фив ὑποπλάκιοι в ст. 397 в публикации: «крепкие Фивы» (в изд. «подплакийские»).

Слово φίλος в публикации Гнедич передает: в ст. 468, 482 как «любезный» (в изд. также) и «любезная» (в изд. «возлюбленная»), в ст. 474 как «дражайший» (в изд. «милый»), в ст. 471 не переводит (в изд. «любезный»).

Эпитет Идоменея ἀγακλῶτος (ст. 436) Гнедич в публикации не передает (в изд. «знаменитый»). Эпитет Артемиды ἰοχέαιρα («сыплющая стрелы») в ст. 428 Гнедич передает в публикации как «грозная», в издании не переводит. Эпитет Диомеда ἄλκιμον (ст. 437) в публикации – «страшный ратоборец» (в изд. «дерзновеннейший воин»). Эпитет Приама ἐνμμελής (ст. 449) в публикации – «знаменитый в бранях Приам» (в изд. «копьеносец»). Эпитет гребня на шлеме Гектора ἰπλοχαίτης (ст. 469) в публикации Гнедич передает словосочетанием: «конский гребень ужасный», в издании композитом «косматовласатый».

Перевод некоторых эпитетов в публикации и издании совпадает: μεγάλητωρ (ст. 395) – «прекрасная»; πότνια μήτηρ (ст. 413) – «нежная мать» θαλερός (ст. 430) – «прекрасный».

В публикации непереуведенными остаются эпитеты: троянок ἐλκεσίπελος (в изд. «длинноодежные» (ст. 443)), кормилицы εὐζῶνος (в изд. «пышноризая» (ст. 467)), Гектора ἀνδροφόνος (в изд. «мужегубитель» (ст. 498)), троянцев ἰπλόδαμος (в изд. «конеборцы» (ст. 461)), тельцов εἰλίπους и овец ἀργεννός (в изд. «тяжелые» и «среброрунные» (ст. 424)).

Вместе с тем в издании 1829 г. переработке подверглись имена собственные. Так, в публикации 1813 г. Гектор дважды именуется через патроним «Приамид» (ст. 466, 496); в ст. 499 описательно как «Приамов сын» и даже как «герой» в ст. 390 (в изд. во всех перечисленных стихах «Гектор»). Ахилл в ст. 423 назван «Пелидом» (в изд. Ахиллес). Имя Ἠετίων Гнедич, видимо, вслед за Костровым передает в публикации с густым придыханием – «Гетеон» (в изд. «Этион»). Ἀτρεΐδαи в публикации передает как «чада Атрея» (в изд. «оба Атрея сыны»). Ἴδομενεύς в публикации – «критский владыка» (в изд. «Идоменей»). Дуалис Αἴαντε – «Аяксы», Τυδέος υἱόν – «Тидид». Имя Ἄρτεμις в ст. 429 в публикации Гнедич передает как «Фива» (в изд. «Феба»).

Трудным для перевода является вокатив δαιμόνιε – обращение Андрوماхи к Гектору (ст. 407), а затем Гектора к Андромахе (ст. 486). Слово δαιμόνιος, как передает А. Н. Егунов, означает «божественный», находящийся под воздействием божества, причем означает и человека действенного, и страдающего под действием высших сил, следовательно, и счастливого, и несчастного.⁶⁰ Гнедич переводит его в 1813 г. как «муж благородный» и «о, милая», впоследствии исправляет на «муж удивительный» и «добрая».

На ранних этапах работы Гнедич, по всей вероятности, испытывал сильное влияние перевода Екимова и Кострова. В журнальной публикации 1813 г. есть примеры того, как Гнедич заимствует из перевода Екимова целые конструкции и посредством перестановки или замены некоторых слов подчиняет их дактилическому ритму. Так, из екимовского «проходя же великий град, когда приблизился к вратам Скейским» в публикации Гнедича 1813 г. получается: «Град же великий прейдя приближался к вратам уже Скейским» (ст. 392). В издании 1829 г. Гнедич предлагает иную версию с анжамбеманом: «Он приближался уже, протекая обширную Трою, / К Скейским воротам» (ст. 492–493). Екимовское «не соделай сына твоего сирым и меня вдовицею» у

⁶⁰ Егунов 2001, 186.

Гнедича в публикации 1813 г. звучит как «Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовицей» (ст. 432). Этот стих Гнедич сохраняет и в издании 1829 г. с одним лишь исправлением: вместо «вдовицы» у него «вдова». Екимовское «ибо трижды сим путем покушались прехрабрые мужи» в публикации 1813 г.: «Трижды путем сим кидаясь уже вознестись покушались» (ст. 437); в издании 1829 г.: «Трижды туда приступая, на град покушались герои» (ст. 435).

Заимствования из Екимова также заметны на уровне отдельных слов. Например, у Екимова Гектор Астианакса «облобызал многократно», у Гнедича Гектор «лобзает дражайшего сына» (ст. 474). У Екимова Гектор «осклабился в тайне», у Гнедича «нежно осклабился Гектор» (ст. 404).

Особого внимания заслуживает заимствование Гнедичем слова «перси» у Екимова. По словам А. Н. Егунова,⁶¹ «перси» в словаре Екимова обычно означают «мужскую грудь»: Патрокл «возлагает на перси сияющие латы» (*И. 16, 120*) или «страшно возгремела медь на персях подвигшагося царя» (*И. 4, 401*). И редко когда женскую: «единою рукою обнажив перси, другую же показывая сосцы» (*И. 22, 80*).

Во времена Гнедича слово «перси» утрачивает конкретную семантику и превращается в условный эротичекий поэтизм, означающий женскую грудь.⁶² «Гнедич, наперекор установившейся, карамзинистской традиции, придает в своем переводе слову перси архаическую окраску, возвращая ему его первоначальное конкретное полисемантическое значение... Гнедич дерзает говорить не только о персях Ахиллеса или Гефеста, но и об уродливых персях Ферсита (*И. 2, 217–218*), и о персях животного (*И. 4, 105–106*)».⁶³

В ст. 390 о кормилице Астианакса Екимов переводит: «и с нею купно питательница несет твоего сына». В публикации 1813 г. Гнедича в этом стихе

⁶¹ Там же, 53.

⁶² Орлов, Кукулевич 1941, 426.

⁶³ Егунов 2001, 53.

Андромаха повелевает «нести сына при персях рабыне, питавшей» (ст. 389). Хотя в подлиннике о «персях» не говорится. В издании 1829 г. Гнедич отказывается от этого слова и переводит: «с ней и кормилица с сыном». В ст. 400 Екимов переводит: «с нею рабыня, держащая на лоне младенца». В публикации 1813 г. у Гнедича Андромаха появляется с одной из служанок, «сына несущей при персях». В издании 1829 г.: «Сына у персей держала». Так, на этих примерах прослеживается не только эволюция словоупотребления слова «перси», которое во времена Екимова звучало не так, как во времена Гнедича, но и переосмысление его употребления у Гнедича.

Также в качестве архаизма Гнедич заимствует неоднократно встречающееся у Екимова слово «корысть» в значении «нажива», «добыча». В «Прощании» Гектор у Екимова говорит: «Но да принесет с собою корысти, обогранные кровию». В публикации 1813 г. Гнедича Гектор желает, чтобы Астианакса узрели «с кровавой корыстью врагов сокрушенных» (ст. 480), в издании 1829 г.: «Пусть он <входит> с кровавой корыстью». В ст. 416 слово «корысть» в переводе Гнедича появляется и независимо от Екимова, у Екимова Ахилл «не совлекл с него оружия», у Гнедича в публикации 1813 г. «рук не простер на корысти», в издании же 1829 г. в ст. 417 «но не смел обнажить».

Из перевода Кострова Гнедич заимствует слово «плод»: «*Плод их единый, прекрасный, подобный звезде лучезарной*» (ст. 401). У Кострова: «*Единый, милый плод любви супругов сих*» (ст. 456). Или заимствует определение братьев Андромахи в ст. 421: «*Седьм моих братиев кровных*» (в пер. Кострова: «*Седьм братий же моих, и все одноутробны*» (ст. 486). В издании этот стих выглядит так: «*Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме*». В переводе Екимова: «*равным образом и братия мои, коих имела седьм*». Следует переводу Кострова сочетания ἑλεούθερον ἦμαρ (ст. 455), которое в публикации переводит: «*Льющую слезы тебя повлечет в невозвратну неволю*» (в переводе Кострова: «*Во слезну повлечет тебя, смеясь, неволю*» (ст. 521)). В издании Гнедич обходит

эту трудность так: «в плен повлечет и похитит свободу» (сочетание «похитит свободу» есть в пер. Мартынова).

Близость перевода Кострова ощущается и в ст. 480 Гнедича: «*С славой, с победой, с кровавой корыстью* врагов сокрушенных» (в изд.: «Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью»). У Кострова он выглядит так: «Чтоб Троя зря его грядуща *с торжеством, / С корыстью* мною, *с победой* над врагом».

Обращает на себя внимание то, что, исправляя со временем перевод, Гнедич освобождал текст от стилистически неоправданных славянизмов (типа «ратоборец»; «толико»; «облобызал», «ослабился», «изведши», и др.).

При сравнении журнальной публикации «Прощания Гектора с Андромахой» с полным изданием «Илиады» 1829 г. можно видеть, как Гнедич совершенствовал свой перевод не только в отношении его правильности, т. е. близости к оригиналу, но и делая его более художественным.

Глава 3. Перевод Н. М. Минского

Николай Максимович Минский (1855–1937) – поэт, драматург, переводчик, публицист. В 1875 г. окончил Минскую мужскую гимназию, где обучался греческому языку. В том же году поступил на юридический факультет Петербургского университета.⁶⁴

Творческая деятельность Минского разнообразна. Он писал стихи, поэмы, драмы, а также статьи публицистического и критического характера. Много переводил: Байрона, Шелли, Верлена, Флобера.

Перевод «Илиады» Н. М. Минского впервые был опубликован в 1896 году.⁶⁵ Затем неоднократно переиздавался: в 1909, 1912, 1917 и 1935 годах.⁶⁶ Ко вновь переработанным изданиям относятся второе и пятое.

В предисловии к первому изданию «Илиады» Минский обращается к переводу Н. И. Гнедича и дает ему характеристику, как с точки зрения метрических, так и стилистических особенностей.⁶⁷ Перевод Гнедича он находит «обветшалым», язык устаревшим, а стихосложение «страдающим произвольностью». ⁶⁸ По мнению А. Н. Егунова, «начиная с перевода Минского, все переводы “Илиады” – это протестующие переводы: они отгалкиваются от

⁶⁴ В. Н. Быстров. Минский Николай. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь. Т.2. СПб. 2005. С. 563-565.

⁶⁵ Гомер. Илиада Гомера / пер. [и предисл.] Н.М. Минского. Москва: К.Т. Солдатенков, 1896.

⁶⁶ Гомер. Илиада Гомера / Пер. Н.М. Минского. 2-е изд., [вновь провер. и перераб.]. Санкт-Петербург: Шиповник, 1909; Гомер Илиада. Перевод Н. И. Минского. 3-е изд. СПб.: Шиповник, 1912; Гомер. Илиада Гомера / Пер. Н. М. Минского. 4-е изд. Петроград: Шиповник, 1917; Гомер. Илиада. Гомер / Пер. Н. М. Минского. Ред. и вступ. статья П. Ф. Преображенского. Москва: Гослитиздат, 1935.

⁶⁷ Минский 1896, 3.

⁶⁸ Там же, 5.

перевода Гнедича, они в основном переводят не Гомера, а Гнедича, перелагая его более современным языком, ближе к разговорной речи, не считаясь с особенностями эпического диалекта, которые Гнедичу удалось так своеобразно воспроизвести средствами русского языка...».⁶⁹

В переводе Гнедича Минского не устраивают «слова и обороты полуславянские»: «власатые перси»; «туков воня»; «пышное швение»; «огонный треножник»; «вымышлятель хитростей умный» и другие.⁷⁰ И в то же время им одобряются старославянизмы вроде «наглезы», «плесницы» и «пруги», если, по словам Минского, «смотреть на них, как на иностранные слова, нуждающиеся в переводе».⁷¹

К недостаткам перевода Гнедича Минский относит и «произвольно составленные слова» Гнедича, например: «празднобродные псы»; «человек псообразный»; «мески стадятся»; «хитрошвейный ремень»; «дерзосердый»; «беспояснодоспешные воины».⁷² Наконец, по мнению Минского, «язык Гнедича портят двусмысленные обороты, которые выражают теперь не то, что хотел сказать автор («превыспренный холм», «пронзительная медь», «твердь» вместо «твердыня»; «разрывчатый лук» и т.д.)».⁷³

В вопросах стихосложения Минский согласен с теми, кто считает, что русский хорей не может быть ритмически равнозначен греческому спондею, поэтому он переводит «Илиаду» преимущественно дактилями. Иногда, для соблюдения ритма, Минский допускает хорей после мужской цезуры в третьей стопе. Смешанный гексаметр Гнедича он считает произвольным, т. к. хорей в нем, по его мнению, употребляется вне зависимости от содержания стиха. Тем

⁶⁹ Егунов 2001, 371.

⁷⁰ Минский 1896, 4.

⁷¹ Там же, 3.

⁷² Там же, 4.

⁷³ Там же.

не менее, во втором «переработанном» издании Минский прибегает к большому количеству хореев.

В примечании к предисловию «Илиады» Минский подчеркивает, что в процессе перевода он «совершенно не руководствовался Гнедичем и никогда во время работы с ним не справлялся», возможные же совпадения объясняет тем, что «иные греческие обороты могут быть переданы по русски (*sic*) только известным образом».⁷⁴

Приведем отзывы о переводе самого Минского. С. И. Соболевский в рецензии 1911 г. на перевод Минского во второй редакции пишет: «существенных исправлений во 2-м издании сделано мало; мелких изменений много, но они по большей части так ничтожны, что не могут быть названы исправлениями».⁷⁵ Далее Соболевский приводит точную статистику изменений, согласно которой на 200 стихов первой песни приходится 34 новых варианта, которые касаются либо отдельно взятых слов и выражений, либо перестановки слов в стихе. О стихосложении Минского Соболевский говорит: «замечательно, что Минский во 2-м издании <...> стал употреблять хорей чаще, чем в 1-м издании, видимо, отказался от своего принципа ставить хорей после мужской цезуры в третьей стопе. Я нашел в первых 200 стихах первой песни во 2-м издании 5 хореев там, где в 1-м издании были дактили, и при том два из них оказались не в третьей стопе».⁷⁶ Что касается слога перевода, то Соболевский говорит, что Минский вслед за Гнедичем старается писать высоким стилем, но он то и дело перемежается у него «со словом или оборотом низким, так что стиля у него нет».⁷⁷ Относительно научной ценности работы и источников Минского Соболевский говорит следующее: «ошибок в ней множество; она

⁷⁴ Минский 1896, 4.

⁷⁵ Соболевский 1909, 347.

⁷⁶ Там же, 360.

⁷⁷ Там же, 354.

совершенно не научна; он не справлялся ни с какими современными комментированными изданиями или специальными словарями, <...> единственным его пособием был, повидимому (*sic!*), устаревший французский перевод Leprévost;⁷⁸ поэтому его работа отстает от современной науки более, чем на полстолетие».⁷⁹ Мнение Соболевского о том, что Минский опирался на французский перевод Лепрево, основано им на сопоставлении ошибок в обоих переводах.

Отзыв В. В. Вересаева еще более категоричен: «Перевод Минского <...> чрезвычайно сер и совершенно не передает духа подлинника. Минскому более менее еще удаются чисто описательные места, но где у Гомера огненный пафос или мягкая лирика, там Минский вял и прозаичен».⁸⁰

По словам же А. Лосева, перевод Минского сыграл «немалую роль» для тех, кто «не любит или не понимает славянизмов Гнедича».⁸¹

Обратимся к анализу стилистических и метрических особенностей перевода сцены «Прощания Гектора с Андромахой» у Минского в издании 1935 г. Как и в предыдущих главах, особое внимание уделим передаче гомеровских эпитетов, а также тем местам в переводе Минского, где у Гнедича были использованы славянизмы. Нумерация стихов у Минского разнится с нумерацией греческого текста, поэтому рядом с греческим эпитетом будет указываться номер стиха греческого текста, тогда как рядом с его русским переводом будет указываться стих по нумерации Минского.

⁷⁸ Homer. Chants de l'Iliade. Trad. par C. Leprévost. P., Publisher Hachette, 1874.

⁷⁹ Там же, 353.

⁸⁰ Гомер. Илиада; Одиссея / Пер. с древнегр. В. В. Вересаева. Сост., авт. вступ. и коммент. А. А. Тахо-Годи. М.: Просвещение, 1987

⁸¹ Лосев А. Гомер. Переводы Гомера // Библиотека электронной литературы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9B/losev-a/gomer/7> (дата обращения: 04.05.2023).

Соболевский обращает внимание на то, что Минский часто в определительных придаточных употребляет «кто» вместо «который». Так в сцене «Прощания», например, в стихах: «Дочь Этиона, *кто* жил подо Плаком, горою лесистой» (ст. 396); «Малого сына тебе, ни меня, горемычной, *кто* скоро» (ст. 407); «Гектора это жена, *кто* из храбрых наездников Трои» (ст. 459); «Вспомнить о муже, *кто* мог бы тебя от неволи избавить» (ст. 462); «Все, *кто* живет в Илионе, а я — наиболее прочих» (ст. 492).

Так же примечательно слишком частое использование у Минского слова «ибо», которое, «из живого языка исчезло, но поэтическим не стало».⁸² В нашем отрывке оно встречается трижды: «*Ибо* чрез них проходить надлежало, чтоб выйти в долину» (ст. 392); «Станет вдовою твоей, *ибо* скоро ахейские мужи» (ст. 408); «*Ибо* не ждали они, что домой он вернется обратно» (ст. 500).

Близость перевода Минского к переводу Гнедича легко обнаружить. Иногда Минский заимствует у него целые части стиха. Например, у Минского в 410 стихе: «*Лучше мне в землю сойти. Не будет мне радостей больше*». У Гнедича: «*Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады*» (ст. 411). Или в ст. 441: «Мне перед *каждым троянцем и длинноодежной троянкой*». У Гнедича: «*Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой*» (ст. 442).

В ст. 429 Минский переводит «ты мой единственный брат», тогда как у Гнедича: «ты и брат мой единственный» (ст. 430). В ст. 420 Минский вслед за Гнедичем добавляет определение братьям Андромахи, в то время как в греческом тексте при слове *κασίγνητοι* «братья» определения нет: у Гнедича братья «однокровные» (ст. 421), у Минского «родные». В ст. 400 сочетание «любимого сына Гектора» у Гнедича Минский передает как «Гектора сына-любимца». В ст. 451 вслед за Гнедичем он повторяет «братьев родных». В ст. 474 следует Гнедичу, передавая *ἄλλοισὶν τε θεοῖσι* как «прочие бессмертные». В ст. 455 сохраняет гнедичевское «похитит свободу», однако в последней

⁸² Там же, 357.

редакции меняет на «повергнет в неволю». В ст. 494, подобно Гнедичу, видимо, *metri gratia* добавляет Андромахе эпитет «дорогая».

Однако в переводе Минского достаточно и таких мест, где ему удается сказать свое слово. Ярче всего это получается при передаче гомеровских эпитетов.

Показательно, например, то, как Минский передает постоянные эпитеты Гектора: *κορυθαίολος* как «шлемовеющий» (ст. 439) (у Гнедича «шеломом сверкающий»), *μέγας* в этом же стихе как «великий» (у Гнедича в ст. 440 «знаменитый»), *χαλκοκορυστής* как «меднопанцирный» (ст. 397) (у Гнедича «меднодоспешный»). Постоянный эпитет Гектора *φαίδιμος* Минский всегда передает как «блистательный» (ст. 465, 471, 493). У Гнедича передача этого эпитета варьируется. Эпитет *κακός* «плохой» Минский передает существительным «трус» (ст. 442), Гнедич же – «робкий» (ст. 443). Эпитет Гектора *θαλέρος* Минский передает буквально – «цветущий» (ст. 429), у Гнедича – «прекрасный» (ст. 430). Там, где Гнедич переводит *φίλος* как «возлюбленный» (ст. 477), «возлюбленная» (ст. 482), у Минского «любезный» (ст. 475) и «милая» (ст. 481). А там, где Гнедич передает *φίλος* как «любезный», у Минского «дорогой» (ст. 467). Лишь один раз их перевод совпадает – «любезный» (ст. 471 у Гнедича, ст. 470 у Минского).

Эпитет Андромахи *λευκόλενος* Минский сначала передает как «белокурая» (ст. 370), затем в редакции 1935 года как «белорукая» (у Гнедича «лилейнораменная»); в ст. 377 оба переводчика оставляют его без перевода. Эпитет Андромахи *ἄμύμων* Минский переводит как «беспорочная» (у Гнедича «непорочная»). Эпитет Андромахи *πολύδωρος* Минский переводит как «одаренная щедрым приданым» (Гнедич оставляет без перевода). Эпитет *ἄμμορος* Минский передает разговорным прилагательным «горемычная» (ст. 407) (у Гнедича «несчастливая» ст. 409). Эпитет *λότνια* – матери Андромахи (ст.

413, 429), а затем и самой Андромахи (ст. 471), Минский передает всегда по-разному: «милая» (ст. 412), «дорогая» (ст. 428), «почтенная» (ст. 470).

Обращение Андромахи к Гектору $\delta\alpha\mu\acute{o}\nu\iota\epsilon$ (ст. 406) Минский передает как «дорогой», а в последней редакции «дорогой мой»; это же слово, но в обращении Гектора к Андромахе – как «милая» (485) (у Гнедича «муж удивительный» (407) и «добрая» (486)).

Постоянный эпитет Ахилла $\delta\acute{\iota}\omicron\varsigma$ Минский переводит как «богоравный». Эпитет Ахилла $\rho\acute{o}\delta\acute{\alpha}\rho\kappa\eta\varsigma$ (ст. 423) Минский в переводе опускает, однако для того, чтобы заполнить стих, добавляет «герой... сын Пелея» (422).

Ряд гомеровских эпитетов-композиций Минский переводит описательно. Так, эпитет дома $\epsilon\ddot{\upsilon}\ \nu\alpha\iota\epsilon\tau\acute{\alpha}\omicron\nu$ (ст. 370, 497) Минский переводит «с красивым убранством» (ст. 369) и «знаменитый богатым убранством» (ст. 496). Этот же эпитет, но по отношению к Фивам в ст. 415 Минский передает как «прекрасный» (Гнедич как «благозванный» (ст. 370) и «цветущий» (ст. 415)). Описательно Минский передает и эпитет улиц $\epsilon\ddot{\upsilon}\kappa\tau\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (ст. 391) – «среди красиво обстроенных улиц». В переводе Гнедича «по красиво устроенным стогнам» (ст. 391). Эпитет гребня $\acute{\iota}\rho\lambda\iota\omicron\chi\alpha\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ (ст. 469) Минский передает «из гривы косматой» (ст. 468) (Гнедич как «косматовласатый» (ст. 469)). Эпитет троянцев $\acute{\iota}\rho\lambda\acute{o}\delta\alpha\mu\omicron\varsigma$ (ст. 461) Минский переводит как «храбрые наездники Трои».

Постоянный эпитет Артемиды $\iota\omicron\chi\acute{\epsilon}\alpha\iota\pi\alpha$ («сыплющая стрелы») Минский передает описательно «стрелой поразила». Эпитет Зевса $\alpha\acute{\iota}\gamma\acute{\iota}\omicron\chi\omicron\varsigma$ (ст. 420) Минский передает как «эгидодержавный» (419). Эпитет служанки, а затем и невесток, $\epsilon\ddot{\upsilon}\pi\epsilon\lambda\lambda\omicron\varsigma$ (ст. 378, 383) Минский передает как «прекрасно одетая» (ст. 371, 377), эпитет кормилицы $\epsilon\ddot{\upsilon}\zeta\omega\nu\omicron\varsigma$ (ст. 467) – как «пышно одетая» (ст. 466). Эпитет троянок $\acute{\epsilon}\lambda\kappa\epsilon\sigma\acute{\iota}\pi\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omicron\iota$ (ст. 442) Минский передает описательно как «влачащих одежды» (ст. 441). Эпитет тельцов $\epsilon\acute{\iota}\rho\lambda\acute{o}\delta\epsilon\sigma\sigma\acute{\iota}$ (ст. 424) сначала Минский переводит как «криворогих» (ст. 423), затем «кривоногих»; эпитет

овец ἀργεῖνοι в этом же стихе у него – «белорунных». Эпитет троянок ἐϋπλόκαμοι (ст. 380) Минский отдает Афине и переводит как «прекрасноволосая». Эпитет Этиона μεγάλητωρ (ст. 395) Минский не переводит.

Композит ἐυμμελής Минский вслед за Гнедичем переводит как «копьеносец» (ст. 448). Слово ἄναξ Минский передает как «скриптороносец» (ст. 450), видимо, заимствует из Гнедича, который этим существительным передает слово σκληροῦχος (II.1, 279). В 451 стихе ἄναξ у Гнедича передан как «родитель». Эпитет Гектора ἀνδροφόνοσ (ст. 498) Минский передает как «мужеубийца» (ст. 497) (у Гнедича «мужеубийца»).

Минский отказывается от славянизмов Гнедича. Сравним перевод ст. 388: «Но судьбы, как я *мню*, не избег ни один земнородный» (Гнедич), «А от судьбы, *полагаю*, никто не спасется» (Минский). Гнедичевские «ульмы» Минский меняет на «вязы», «дщери» – на «дочери» (ст. 419), «кровавую корысть» – на «доспехи, залитые кровью» (ст. 479). Там, где у Гнедича «лоно», у Минского «сердце» (ст. 399) или «грудь» (ст. 482).

Тем более кажется странным, когда он сам переводит в ст. 490 «И *блюди*, чтоб служанки свершали / Точно работы свои», в то время как у Гнедича: «Тканьем, пряжей займися, приказывай женам домашним / Дело свое исправлять» (ст. 491).

К удачам Минского можно отнести перевод νήπιος (ст. 399) словом «малютка». Его впоследствии употребит Кузмин в своем переводе.

В переводах Гнедича и Минского разнится и передача имен. Имя отца Андрوماхи Ἠετίων (ст. 395, 416) Гнедич передает как «Этион». Минский в первом издании передает так же, а в издании 1909 г. меняет на «Эетион». Имя Τυδεύς (ст. 436) Гнедич переводит как «Тидид», Минский же как «Тидей». Патроним Ἀτρεΐδης (ст. 437) Гнедич передает описательно – «Атрея сыны», Минский – «Атриды». В ст. 435 ἀμφ' Αἴαντε δῶω Минский, как и Гнедич, переводит «оба Аякса» (435), причем, вслед за Гнедичем добавляет эпитет,

которого нет в оригинале: у Гнедича Аяксы становятся «могучими», у Минского «богоравными».

Что касается гексаметра Минского, то «Прощание» в его переводе написано почти сплошными дактилями. На 132 стиха приходится 123 дактилических стиха, например: «Вскоре за/ этим всту/пил он в по/кои с кра/сивым у/бранством» (ст. 369). Восемь стихов – с одним хореем, четыре раза в 3-й стопе, например: «Эти/она кто/ **жил под/** Плаком, го/рою ле/систой» (ст. 395); четыре раза в 4-й, например: «Всех умер/твил их ге/рой Ахил/**лес Пе/**лид бого/**равный**» (ст. 422). Наконец, у Минского встречается один стих с двумя хореем (во второй и третьей стопе): «Шлем с голо/**вы свой/ снял блис/**тательный/ Гектор ве/**ликий**» (ст. 471).

Иногда Минский допускает рецессивное ударение в слове: «Станет вдовою твоей, ибо скоро ахейские **мужи**» (ст. 408), «Трижды на приступ уже покушались храбрейшие **мужи**» (ст. 434) и «Точно работы свои. О войне ж позаботятся **мужи**» (ст. 491).

Анализ сцены «Прощания» подтверждает приведенную выше оценку перевода Минского критиками, которые говорят о том, что его перевод остается вторичным по отношению к переводу Гнедича. Тем не менее при чтении перевода Минского создается ощущение, что автор боится быть похожим на Гнедича и каждый раз старается перевести стих как-то иначе, нежели Гнедич. Есть, однако, в этом переводе и преимущество для читателя, которому язык Гнедича, насыщенный архаизмами, представляется трудным для чтения, поскольку перевод Минского выполнен на основе современного ему русского литературного языка. По пути Минского впоследствии пойдут Вересаев и Шуйский.

Глава 4. Перевод М. А. Кузмина

Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936) – поэт Серебряного века, прозаик, критик, драматург, переводчик и композитор. В 1874 г. Кузмин оканчивает первые два пригготовительных класса Саратовской первой мужской гимназии, в 1884 г. поступает в Петербургскую 8-ю гимназию (оканчивает в 1891), где изучает древние языки.⁸³ Учителем древних языков в 1890-е гг. в гимназии был Д. В. Ильцевич.

Интерес к античности проявился уже в первый период творчества Кузмина, в первую очередь в его цикле для голоса и фортепиано «Александрийские песни» (1906). Примечательно, что в некоторых стихотворениях цикла в качестве приема стилизации использованы двусоставные эпитеты. Например, в стихотворении «Разве неправда...» Кузмин черные косы называет «хитросплетенными»,⁸⁴ а звезду «косматоогромной»⁸⁵ в стихотворении «Что ж делать...» (ср. у Гнедича гребень «косматовласатый»).

В оде «Враждебное море»⁸⁶ («Вожатый», 1918) Кузмин называет Париса «белоногим» и «Парис-ратоборец» (ср. в публикации 1813 г. у Гнедича «Тидид-ратоборец» (ст. 436)).

Классикой стал «Золотой осел (Метаморфозы)» Апулея в переводе Кузмина (1929).⁸⁷

⁸³ П. В. Дмитриев (при участии В. В. Зельченко). Кузмин Михаил Алексеевич. Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века. Т.1. СПб. 2021, 402-407.

⁸⁴ Кузмин 2019, 61.

⁸⁵ Там же, 66.

⁸⁶ Там же, 140-141.

⁸⁷ Подробнее о М. А. Кузмине и античности см. в указанной выше статье П.В. Дмитриева, В. В. Зельченко.

Перевод «Прощания Гектора с Андромахой» Кузмина (1872–1936), был опубликован в журнале «Звезда» в 1933 г. (№ 6, сс. 69–73).⁸⁸ Из дневника М. Кузмина за 1929 г. следует, что он заключил договор с издательством по поводу перевода «Илиады».⁸⁹ В Лендетгизе планировалось издать новый перевод «Илиады» для старшего школьного возраста.⁹⁰ Первоначально предполагалось переводить «Илиаду» прозой и стихами. Возможно, имелось в виду, что прозаические пересказы текста будут чередоваться со стихотворными переводами отдельных частей. Прозаический пересказ должен был выполнить Адриан Пиотровский, блистательный переводчик Аристофана, а поэтические переводы поручались Михаилу Кузмину. Однако выполненные Пиотровским прозаические пересказы издательство не удовлетворили. Не понравились они и Кузмину. Он пишет об этом в дневнике 27 сентября 1931: «Да, видел Адриана.

⁸⁸ О М. А. Кузьмине см. Богомолов, Малмстад 2007.

⁸⁹ Михаил Кузмин: Жизнь подо льдом. (Дневник 1929 года). Публикация, вступительная статья и примечания С. В. Шумихина. Наше Наследие: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/Kuzmin01.php (дата обращения: 24.04.23). Надо полагать, что договор о переводе «Илиады», был подписан в 1929 г., хотя в архиве ЦГАЛИ СПб (ф.Р-437 оп.1 д.170) нам найти его не удалось. Такой вывод можно сделать, следуя записям дневника Кузмина за 1929 год: «7 января. Зашел в ГИЗ, подписал договор. Еще надо Адриана ловить». «16 января. Ужасный мороз. Забежал в «Академию» просто погреться. Потом в Госиздат. Я-то договор подписал, но ни Адриан, ни начальство». «19 января. В Госиздат. Пиотр<овский> так и не был. Смешной человек». Далее, вплоть до 30 января, в дневниковых записях говорится, что Кузмин на протяжении почти месяца пытается подписать договор с издательством и с Пиотровским. После 30 января Кузмин более о договоре не упоминает.

⁹⁰ Там же. См. комментарий С. В. Шумихина. Речь идет о ленинградском отделении «Детгиза», входящего в ОГИЗ, учрежденный в 1930 г.

Маршак ему говорил уже, что мне не нравится его “Илиада”». ⁹¹ В конце концов, Кузмину было предложено взять на себя и прозаический текст.

Из дневниковых записей следует, что Кузмин весной 1929 уже работает над переводом. Запись от 14 марта говорит: «Хорошо переводил Гомера». 24 марта: «Переводил усиленно». Отметим, что 27 февраля Кузмин записал в дневнике: «Кончил Апулея», таким образом, работа над переводом «Илиады», видимо, началась сразу после «Золотого осла».

Интересной представляется следующая запись от 15 марта: «Егунов наташил мне книг по “Илиаде”». Имя Андрея Николаевича Егунова упоминается в дневнике Кузмина чуть ли не ежедневно в связи с общими интересами и знакомыми.

По поводу перевода «Илиады» сохранилось письмо к Кузмину Л. К. Чуковской, редактора Детского отдела Госиздата в 1934 году: «Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич, Я звоню Вас <sic!> дней 10 подряд утром, днем и вечером. Редакция сильно интересуется Илиадой. Мне бы хотелось знать – в каком положении работа, можно ли С<амуилу> Я <ковлеви>чу <Маршаку> что-нибудь почитать, какие у Вас планы?» ⁹² Письмо приведено в примечании к дневнику Кузмина 1934 г. и связано с записью от 2 июня: «Я неважно себя чувствую. Масса каких-то посещений и звонков. Лидочка Чуковская по поводу Илиады. Плачет и любезничает».

13 июля 1934 г. Кузмин пишет в дневнике: «Принесли наконец таинственный «пакет» из того дома. Как я и думал, газета от Сторицына. Но там сообщение о том, что я перевел Илиаду...». ⁹³ В комментарии к этому месту Глеб

⁹¹ Михаил Кузмин. Дневник 1931 года. Вступительная статья, публикация и примечания С. В. Шумихина // Новое литературное обозрение. 1994. № 7, 174.

⁹² Михаил Кузмин. Дневник 1934 года. Составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии Г. Морева. Санкт-Петербург, 1998, 222.

⁹³ Там же, 62.

Морев приводит выписку из газеты: «Впервые после Н. И. Гнедича М. А. Кузмин сделал новый перевод "Илиады" Гомера в стихах. М. А. Кузминым переведены не все песни "Илиады". Поэтому в новом издании Илиады, издаваемой Лендетгизом, часть песен будет дана в прозаическом художественном пересказе, сделанном также М. А. Кузминым ([Хроника] //ЛЛ. 1934. 8 июля. С.4)».⁹⁴ Однако, этот проект не был осуществлен.⁹⁵ Единственным свидетельством и результатом работы над переводом является публикация Кузмина в «Звезде» за 1933 г., кстати говоря, последняя его прижизненная публикация. Судя по заключительным словам Кузмина в предисловии к публикации перевода в «Звезде», инициатором нового пересказа-перевода «Илиады» для детей мог быть Самуил Маршак: «Не могу <...> не выразить своей благодарности С. Я. Маршаку, благодаря которому я взялся за эту работу (увы, не полную), доставившую мне на долгое время самые чистые и плодотворные радости».⁹⁶

Естественно, возникает вопрос, какой литературой пользовался Кузмин при переводе Гомера. К сожалению, мы не знаем, по какому изданию он переводил, какой литературой и словарями он пользовался. 30 января 1929 г. Кузмин пишет: «Юр. купил мне словарь». Возможно, речь идет о каком-то греческом словаре, так как в это время Кузмин переводит «Илиаду».

1 октября 1931 г.: «Попросил Юр. купить себе Чоусера, а он принес мне греческий словарь Pards». С. В. Шумихин, опубликовавший «Дневник» М. Кузмина за 1931 г., прочитал трудный почерк Кузмина в этом месте как Pards, однако это явная ошибка, которая требует уточнения по рукописи дневника. Возможно, речь идет о словаре имен собственных W. Rare,

⁹⁴ Там же, 257.

⁹⁵ Богомолов, Малмстад 2007, 478.

⁹⁶ Кузмин 1933, 72.

«Wörterbuch der griechischen Eigennamen», неоднократно переиздававшимся, в частности, в 1911 г.

Публикацию перевода Кузмин предваряет заметкой, которая называется «Несколько слов о переводе». Он говорит, что новый перевод «Илиады» «предприятие настолько ответственное, что установлено оно должно быть на весьма веских основаниях, под которые не подкопаешься, или же надо со всей откровенностью призывать на помощь такие эфемерные поводы, как “устарелый язык перевода”, “непреодолимое желание переводчика” и т.п. Всякие половинные мотивировки будут неубедительны».⁹⁷

В преамбуле к переводу он не без самоиронии и в то же время с педантичной серьезностью пишет о своей «системе» перевода: «система эта была столь растяжима, так охотно уступала свое место, когда этого требовали выразительность, точность или гладкость перевода», но «она несомненно существовала, иначе развалилась бы вся постройка, как бы легковесна она не была».⁹⁸

Во-первых, Кузмин говорит о своих принципах стихосложения: «В смысле стихосложения я допустил в русском гексаметре широкое применение спондеев, так как только таким образом видел возможность сохранить живое разнообразие, ускорения и остановки, противоположения неожиданности, — одним словом, все богатство и жизненность гомеровского стиха».⁹⁹

При этом он отвергает мнение, что спондей (стих из двух долгих слогов с ударением на первом) в русском языке неминуемо обращается в хорей, и приводит следующие доводы, касающиеся греческой метрики. Греческое квантитативное стихосложение (чередование долгих и кратких слогов) по-русски передать невозможно. Поэтому для подобия понятие долготы

⁹⁷ Там же, 69.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

заменяется понятием ударности. Если таковы и дактиль, и ямб, и хорей, то почему бы – задается вопросом Кузмин – таковым не быть и спондею? Допуская возможность, что спондей может совпадать с хореем, Кузмин все-таки настаивает на том, что они разнятся, говоря, что «дело идет не об абсолютной долготе данного слога, а о его отношении к окружающим слогам», поскольку «спондей среди дактилей на слух всегда будет замедлением, утяжелением (как слова “сребро” и “злато” – тяжелее слов “серебро” и “золото” не только от архаизирующей их формы, но и по весомости)».¹⁰⁰

Кузмин замечает, что «если в гексаметре без спондеев 17 слогов, то большинство стихов в «Илиаде» имеет в себе 16 слогов (т. е. со средним спондеем), и пятнадцатисложных (с двумя спондеями) только немногим меньше, чем семнадцатисложных своим стихи «Илиады» состоят из 16 слогов (т. е. со средним спондеем). Отношение приблизительно выразилось бы так: 50% – 16-сложных, 30% – 17-сложных, 20% – 15-сложных». Из этого Кузмин делает вывод: «Так как же бы я посмел лишать стих его живой текучести, разнообразия и заменять монотонной торжественной рубкой только в силу того, что при разности наших стихосложений спондей совпадает с хореем?»¹⁰¹

Помимо этого, Кузмин допускает в своем гексаметре двойные ударения в сложных словах и сложных именах собственных, говоря, что «существование этих двух ударений, хотя бы и не равной силы звучания, ясно для всякого уха и не требует особенных объяснений».

М. Л. Гаспаров¹⁰² в письме к М. Ю. Лотману говорит, что гекзаметр Кузмина – «самый свободный из известных [ему] гексаметров, в нем не только дозволено анапестическое начало и неоднократные хорей на 5 стопе, но и многочисленные пропуски на стяженных стопах: “дОчь ИстиОна (?)

¹⁰⁰ Там же, 70.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Гаспаров 2017, 220.

вЕликоДУшного, О АндромАха”». Видимо, в письме Гаспаров приводит стих по памяти, потому что добавляет в него междометие «О», у Кузмина: «дОчь ИстИона вЕликоДУшного, АндромАха» (ст. 395). Следует сказать, что Лотман в своей работе о русском гекзаметре перевод Кузмина и его гексаметр не рассматривает.

Действительно, гексаметр Кузмина необычайно вариативен благодаря широкому применению хорей, который может встречаться у него в разных стопах. Приведем статистику по всем вариантам гексаметрического стиха у Кузмина в переводе «Прощания». На 132 стиха приходится:

38 дактилических стихов: например, «Словно не/ чаяли /больше жи/вым его /снова у/видеть» (ст. 501);

42 стиха — 1 хорей: «Да и/ город род/ной Кили/кийцев срав/нил он с зем/лею» (ст. 415);

38 стихов — 2 хорей: «А судь/бы сво/ей ни о/дин не из/бегнет из /смертных» (ст. 488);

10 стихов — 3 хорей: «Гектор,/ ты мне о/тец и/ мать для ме/ня ты / Гектор» (ст. 429); «Ты о/дин мне/ брат и/ты мне суп/руг цве/тущий» (ст. 430).

Еще в четырех стихах встречаются поэтические вольности:

2 стиха по 7 стоп: «Чтобы си/роткою/ сына не/ сделать о/станься/ с нами на/ башне» (ст. 432); «Мать же мо/ю что ца/рицею/ жила/ у ле/систого/ Плака» (ст. 425).

2 стиха по 5 стоп: «Был я / так, чтоб сра/жаться в пе/редних от/рядах» (ст. 445); «Вдоль по бо/гато зас/троенным/ улицам/ снова (ст. 391).

Иногда применение Кузминым хорей обусловлено семантически. Так, например, передается быстрое движение героев: «Вот о/на к сте/не са/ма не сво/я и пус/тилась» (ст. 388); «Быстро/ он дос/тигнул сво/их ро/димых по/коев» (ст. 370). Или их эмоциональные восклицания: «Ах у/бил от/ца мое/го А/хилл

бого/видный» (ст. 414); «Пусть же/ я ум/ру и сы/пучим пес/ком зак/роюсь» (ст. 464).

Анапестическое начало у Кузмина прочитывается в 20 стихах, напр., «И улыб/нулась сквозь/ слезы. Взгля/нул суп/руг, уми/лился» (ст. 484); «А судь/бы сво/ей ни о/дин не из/бегнет из/ смертных» (ст. 488); «Но не/ раз обер/нувшись, гла/зами е/го прово/жала» (ст. 496).

О переводе Гнедича Кузмин говорит: «Я считаю, что перевод Гнедича всецело лежит еще в XVIII веке, когда на “Илиаду” смотрели как на образец искусственной поэмы (ставили рядом с “Энеидой”), благородно, торжественно и отвлеченно рисующей быт героев. У Гнедича явная архаизация и стилизация. Это тем более заметно, что церковно-славянский язык никогда не был языком живым и выдуман Кириллом и Мефодием для объединения болгар, сербов, русских и т.п. Если бы эта архаизация была в сторону живой старорусской речи (“Слово о полку Игореве”), это еще можно было бы понять, но “лилейнораменные” и т. п. — так никогда не говорили ни русские, ни болгары, ни сербы. Это чистейшая абстракция и литература».¹⁰³

Для Кузмина же, как он пишет: «Илиада» – «живой и простой рассказ о племени и людях, благородство и нравственность которых заключается в их органичности, свободе и простоте, как движения полинезийских дикарей».¹⁰⁴ Именно поэтому он отказывается от архаизирующего и торжественного стиля, которым переводил Гнедич.

В переводе Кузмина мы не найдем искусственных образов или «стертых» метафор, его слог кажется удивительно органичным и современным. Особенно это заметно при передаче Кузминым гомеровских постоянных эпитетов, которые мы рассмотрим, сравнив с переводами Гнедича и Минского.

¹⁰³ Кузмин 1933, 71.

¹⁰⁴ Там же.

Перевод Минского, вышедший в 1896 году и переиздававшийся в 1909, 1912 и 1917 годах, Кузмин, скорее всего, знал. На это в переводе Кузмина указывают неоднократные совпадения с Минским. Обратимся к тексту.¹⁰⁵

Формульный эпитет Зевса αἰγίοχος (420) Кузмин и Минский передают одинаково – «эгидодержавный», Гнедич передает αἰγίοχος нейтральным эпитетом – «великий». К совпадениям можно отнести и перевод эпитета Гектора θαλῆρός (430) у Кузмина и Минского как «цветущий», у Гнедича – «прекрасный». При передаче эпитета Гектора ἀνδροφόνοϛ в стихе 498, Кузмин перенимает вариант Минского – «мужеубийца». Гнедич переводит более тяжеловесно – «мужегубитель». Эпитет Приама ἐυμμελής («вооруженный ясеневым копьём») в ст. 449 Кузмин передает так же, как Гнедич и Минский, – «копьеносец».

Эпитет Ахилла δῖοϛ «божественный» (ст. 414) Кузмин переводит как «боговидный», Минский как «богоравный», Гнедич меняет его на другой формульный эпитет Ахилла ποδαρκῆϛ «быстроногий». Характерно, что ни один из переводчиков не передает сочетание эпитетов δῖοϛ и ποδαρκῆϛ в ст. 423. Гнедич переводит лишь ποδαρκῆϛ, расширяя эпитет до «быстроногого ристателя». Кузмин также отказывается от δῖοϛ, а ποδαρκῆϛ передает как «быстроногий». Минский наоборот сохраняет δῖοϛ, а ποδαρκῆϛ опускает. Постоянный эпитет Артемиды ἰοχέαιρα (сыплющая стрелы) в 428 стихе не передает ни Гнедич, ни Кузмин. Минский на него лишь намекает: «стрелой поразила» (ст. 427).

В ст. 440 постоянный эпитет Гектора κορυθαίολοϛ Гнедич передает как «шеломом сверкающий», придавая ему торжественное звучание благодаря

¹⁰⁵ Сцена «Прощания» у Гомера занимает стихи 370–503. У Гнедича, Минского и Кузмина на один стих меньше: 370–502. Это происходит потому, что в последних стихах переводчики оставляют без перевода по несколько слов, так что в сумме исчезает целая строка.

старинному слову «шелом». Кузмин предлагает более привычное для современников выражение – «сверкающий шлемом». Эпитет Гектора χαλκοκορυστής в ст. 398 Кузмин вслед за Гнедичем передает как «медноспешный»,¹⁰⁶ Минский как «меднопанцырный» (ст. 397). Эпитет Гектора какός в ст. 443 Кузмин переводит как «трус дрянной», видимо, заимствуя слово «трус» из стиха Минского (ст. 442). Гнедич переводит его скорее деликатно – «робкий».

Во времена Гнедича еще не было известно понятие «гомеровская формула», поэтому один из постоянных эпитетов Гектора φαίδιμος (ст. 466, 472, 494) Гнедич всякий раз передает по-разному: «блистательный» (ст. 466), «божественный» (ст. 472), «бронблещущий» (ст. 494). Минский переводит всегда как «блистательный», Кузмин, возможно, понимает причину повтора эпитета как одну из стилистических особенностей эпоса и сохраняет определение «блистательный» всякий раз.

Особого внимания в переводе Кузмина заслуживают эпитеты Андромахи. Например, в ст. 371 двусоставный эпитет λευκώλενος («белолокотная»), который Гнедич переводит как «лилейнораменная», Кузмин вслед за Минским передает как «белокурая». К слову, во втором издании Минский изменит его на «белорукою Андромаху». Отсюда следует, что, возможно, Кузмин мог быть знаком с переводом Минского именно в первой редакции. Очевидно, Кузмин делает текст более близким и понятным читателю: ἀμόμων («безупречная» ст. 374) и πολύδωρος («многоприданая» ст. 394) Андромаха становится у Кузмина «примерной» и «домовитой». Не исключено, что последний эпитет Кузмин заимствует из перевода Минского, правда, у него он относится к ключнице ὀτρηρά (ст. 381). Ключница же у Кузмина «проворная» (у Гнедича «усердная»).

¹⁰⁶ В публикации 1933 г. стоит «медноспешный», можно предположить, что это опечатка. М. Л. Гаспаров исправляет ее в «Занимательной Греции», где он помещает отрывок из перевода М. Кузмина (Гаспаров 1995, 16-18, «меднодоспешный» на стр. 16).

Эпитет Андромахи ἄμωρος (ст. 408) Кузмин переводит вслед за Минским разговорным прилагательным «горемычная», у Гнедича «несчастливая» (ст. 409).

В ст. 380 эпитет троянок εὐπλόκαμοι (букв. «с красиво заплетенными волосами») Кузмин передает прилагательным «кудрявые». Гнедич заменяет его на нейтральный эпитет «благородные», Минский отдает его Афине и переводит как «прекрасноволосая» (ст. 379).

Кузмин умеет внести ощущение трогательности, чуть ли не «домашнего уюта», когда речь идет об описании дома Гектора и отношений между домочадцами. Например, в ст. 370 эпитет дома εὖ ναιετάων («хорошо устроенный», у Гнедича «благозванный») Кузмин переводит как «родимые покои» (ср. у Минского: «покои с красивым убранством»). Эпитет «родимые» словно заставляет нас посмотреть на дом Гектора его собственными глазами. В ст. 415 Кузмин «родным» назовет уже город Киликийцев. Этот же эпитет Кузмин использует, когда говорит и о родных людях. Например, эпитет матери Андромахи в гомеровской формуле πότνια μήτηρ (413) он передает как «родимая», а затем и по отношению к самой Андромахе как «добрая» (471). Братья Андромахи в переводе Кузмина становятся «родимыми» (ст. 421), у Гнедича «возлюбленными», у Минского «родными» (420), при том что у Гомера в этом месте нет никакого эпитета.

Другой гомеровский эпитет φίλος, который передает теплые отношения между супругами, переводчики передают по-разному: Андромаха говорит о Гекторе (ст. 471) – «любезный родитель» (у Гнедича), «милый отец» (у Кузмина), а Гектор об Андромахе (ст. 482) – «возлюбленная супруга» (у Гнедича), «милая супруга» (у Минского и Кузмина).

Сюда же отнесем и другие слова, делающие перевод Кузмина менее торжественным и более «домашним»: τιθήνη (ст. 389, 467) и ἀμφίπολος (ст. 399) в переводе Кузмина звучат как «няня»; у Гнедича, а затем Минского τιθήνη – «кормилица», а ἀμφίπολος – «прислужница». В ст. 399 Кузмин добавляет няне

эпитет «почтенная», отсутствующий в подлиннике. Греческое *νήπιος* (ст. 400) Кузмин передает словом «малютка», находящееся при нем определение *ἀταλάφρων* Кузмин опускает, Гнедич переводит буквально – «бессловный», у Минского – «дитя нежное» (ст. 399). Эпитет Астианакса *ἀγαπητός* в следующем стихе Кузмин передает как «милый», у Гнедича «любимый сын Гектора», у Минского «сын-любимец» (ст. 400).

Ряд эпитетов Кузмин передает описательно: *ἐλκεσίπεπλοι* (о троянках, ст. 442) – «в длинных одеждах», у Гнедича и у Минского – «длинноодежные»; эпитет няни *εὖζωνος* (ст. 467) Кузмин передает «в одежде прекрасной», у Гнедича – «кормилица пышноризая», у Минского – «пышно одетая» (466); эпитет ахейцев *χαλκοχίτων* (ст. 454) у Кузмина – «в панцире медном», у Гнедича – «меднолатный ахеец», у Минского – «меднобронный ахеец»; эпитет улиц *ἐυκτίμενοι* («хорошо обустроенные», ст. 391) Кузмин передает «по богато застроенным улицам»; Гнедич – «благозданные стогны», Минский – «среди красиво обстроенных улиц».

Рассмотрим перевод эпитетов, которые относятся к гомеровским героям: эпитет Диомеда, сына Тидея, *ἄλκιμος* (ст. 437) у Кузмина – «отважный», у Гнедича – «дерзновеннейший воин», у Минского – «мощный сын Тидея»; эпитет Идоменея *ἀγακλυτός* (ст. 436) Гнедич и Кузмин передают одним и тем же прилагательным «знаменитый», Минский опускает; эпитет Ээтиона *μεγαλήτωρ* (ст. 395) Кузмин передает как «великодушный», Гнедич и Минский не переводят. Эпитеты, описывающие доспехи и оружие: *λαμφάνων* (о шлеме, ст. 473) Кузмин переводит как «сияньем блестящая каска», у Гнедича шлем «пышноблестящий», у Минского «ярко сверкавшая медь»; эпитет оружия Приама *δαίδαλεον* («искусно сделанное», ст. 418) Кузмин передает как «бранное», Гнедич – «пышное», Минский – «светлое».

Есть эпитеты, от перевода которых Кузмин намеренно отказывается. Например, эпитет служанок и невесток *εὖπεπλος* (ст. 372, 378) Кузмин не

переводит, у Гнедича служанки и невестки «прекрасноодежные». В ст. 424 Кузмин не сохраняет эпитеты быков εἰλίλους и овец ἀργεννός. В ст. 461 он опускает в переводе эпитет троянцев ἰπλόδαμος («укротители коней»), Гнедич переводит как «конеборцев троян», у Минского – «храбрые наездники Трои». Не сохраняет Кузмин и эпитет, описывающий гребень на шлеме Гектора, – ἰπλιοχαίτης («из конского волоса», ст. 469), Гнедич переводит его как «косматовласатый».

Слово κόρυς (ст. 470, 473) Гнедич, а вслед за ним Минский переводят как «гребень», Кузмин же переводит как «султан» и дважды как «каска». Слово «каска» в переводе гомеровского текста звучит как анахронизм. В русский язык это слово попало из французского около 1795 г., по данным *Национального корпуса русского языка*, особенно часто оно встречается в литературе в годы Крымской, а затем Первой мировой войны, затем частотность его употребления снижается. В связи с этим представляется, что слово «каска» навеяно Кузмину недавним прошлым.

Примечательно, как Кузмин справляется со сложным местом в ст. 455 ἐλεύθερον ἦμαρ (букв. «свободный день»), «точный» перевод которого, по мнению Егунова, невозможен. Перевод «привел бы тебя, исполненную слез, отняв “свободный день”» в наше время воспринимается иначе, «а в эпоху Гнедича, например, был бы просто непонятен читателю». Во-вторых, продолжает Егунов,¹⁰⁷ если понимать его как «день свободы», то возникают мысли, что это или «день празднования свободы», или «день освобождения от чего-либо», что противоречит смыслу гомеровского стиха. Под этим выражением у Гомера имеется в виду, что Андромаха не сможет свободно располагать временем, когда будет обращена в рабство. Гнедич переводит это место так: «в плен повлечет и похитит свободу». У Кузмина: «Всю в слезах тебя уведет далеко в неволю», что ближе к переводу Минского: «Льющую слезы,

¹⁰⁷ Там же, 235.

тебя уведет и повергнет в неволю» (ст. 454). У него в свою очередь частично найдет отражение стих Кострова: «Во слезну повлечет тебя, смеясь, неволю» (ст.521).

Также обратим внимание на транслитерацию имен собственных у Кузмина в сравнении с Гнедичем и Минским. Ἀτρεΐδης (ст. 437) Гнедич передает описательно «сыны Атрея», Минский и Кузмин дословно – «Атриды». Сочетание Τυδέος υἱόν в этом же стихе Гнедич передает через патроним – Тидид, Минский и Кузмин дословно – сын Тидея. В ст. 414 Ἀχιλλεύς Гнедич и Минский транслитерируют как Ахиллес, Кузмин как Ахилл, однако в ст. 423 все переводчики передают одинаково – Ахиллес. Имя Ἠετίων (ст. 395, 416) Гнедич передает как Этион, Минский сначала как Этион, в переиздании как Этион, у Кузмина – Истион. Имена двух героев Αἴαντε (436) Гнедич и Минский передают как Аяксы, у Кузмина – Аянты (ст. 436).

Анализ сцены «Прощания» показал, что гексаметр Кузмина разнообразнее гексаметра Гнедича не только из-за количества хореев, но и из-за пестроты их конфигураций (что подтверждает мнение Гаспарова о его особенностях).¹⁰⁸ Язык Кузмина ближе к литературному языку его времени. Учитывая предшествующую традицию, Кузмин создает свой неповторимый стиль перевода.

¹⁰⁸ Лотман 2011, 38.

Заключение

В нашей работе было представлено исследование перевода на русский язык сцены из «Илиады» Гомера «Прощание Гектора с Андромахой» в период с конца XVIII до начала XX вв. В центре внимания находился не изученный, если не сказать, забытый перевод М. А. Кузмина, опубликованный в журнале «Звезда» в 1933 г. Анализ перевода сцены «Прощания» у предшественников Кузмина был необходим, чтобы показать, какое влияние предшествующая традиция оказала на его перевод, что он заимствовал из этой традиции, а от чего отказывался.

При переводе Гомера перед каждым переводчиком встает ряд трудностей. Первая, по мнению А. Н. Егунова, состоит в прочтении подлинника: каждый переводчик решает ее по-своему, создавая свой образ Гомера и гомеровской поэзии.¹⁰⁹ Кузмин в предисловии к публикации перевода, пишет о своем восприятии «Илиады»: он не считает ее искусственной поэмой, наоборот, видит в ней «живой и простой рассказ о племени и людях, все благородство которых заключается в их органичности, свободе и простоте...». Поэтому в переводе «Прощания» он стремится достичь «простоты, торжественности и суровой нежности этих органичных натур».¹¹⁰

Следующая сложность заключается в том, что новый перевод «Илиады» неизбежно будет сравниваться с признанным классическим переводом Н. И. Гнедича, который в качестве посредника встает между переводимым автором и переводчиком. Новому переводчику бывает трудно не принять меткого слова или удачного оборота предшественника. По мнению А. Н. Егунова, «начиная с перевода Минского, все переводы “Илиады” – это

¹⁰⁹ Егунов 2001, 371.

¹¹⁰ Кузмин 1933, 70.

протестующие переводы: они отталкиваются от перевода Гнедича, они в основном переводят не Гомера, а Гнедича, перелагая его более современным языком, ближе к разговорной речи, не считаясь с особенностями эпического диалекта, которые Гнедичу удалось так своеобразно воспроизвести средствами русского языка...».¹¹¹

Однако в результате сравнения переводов оказалось, что перевод «Прощания Гектора с Андромахой» Кузмина скорее ближе к переводу Минского. На это указывает ряд заимствований у Кузмина из перевода Минского, что показало исследование переложения гомеровских эпитетов и имен собственных у обоих переводчиков. Переводы Кузмина и Минского написаны современным им русским литературным языком, при этом оба переводчика по большей части отказывались от славянизмов и диалектизмов Гнедича.

Однако нельзя сказать, что причина такой переводческой установки была одинакова. Кузмину в переводе Гнедича не нравились его архаизация и стилизация по той причине, что церковнославянский язык никогда не использовался в живой речи и принадлежал лишь литературе, а Кузмин хотел, чтобы речь Гомера звучала органично для его времени и для его, Кузмина, современников. Минский отказывался от славянизмов Гнедича, потому что считал их затрудняющими чтение текста.

Если вернуться к переводу Гнедича, то анализ показал, что на него, особенно на ранних этапах, что видно по переводу «Прощания» в 1813 г., повлияли переводы Екимова и Кострова. Прозаический перевод Екимова ценен тем, что является связующим звеном между явлениями древнерусской литературы и творческим переводом Гнедича. Например, с подачи Екимова Ахиллес стал именоваться Ахиллом (в «Истории о разорении Трои» Аххил). Стихотворный перевод «Илиады» Кострова стал образцом художественного

¹¹¹ Егунов 2001, 371.

перевода Гомера на русский язык, что не могло не оказать влияния на Гнедича. Что касается перевода Мартынова, то, несмотря на то, что он вышел в 1823-1825 гг., создается впечатление, что Гнедич к нему не обращался. Однако, возможно, перевод Мартынова использовал в работе Минский. Таким образом, исследуемые переводы представляют собою непрерывную традицию.

В переводе гомеровских постоянных эпитетов в «Прощании Гектора с Андромахой» Кузмин дважды следует Гнедичу: эпитет Приама «копьеносец», эпитет Гектора «меднодоспешный»; слегка меняет гнедичевский эпитет Гектора $\kappa\omicron\rho\upsilon\theta\alpha\acute{\iota}\omicron\lambda\omicron\varsigma$ «шеломом сверкающий» на «шлемом сверкающий». Пять раз Кузмин использует варианты, предлагаемые Минским: эпитеты Гектора «мужегубитель» и «цветущий», эпитеты Андромахи «белокурая» и «горемычная», Зевса «эгидодержавный». Определения «блистательный» и «копьеносец» совпадают у всех трех переводчиков.

В переводе «Прощания Гектора с Андромахой» Кузмину с помощью таких слов, как, например, «няня», а не гнедичевская «кормилица», «малютка» (вслед за Минским), а не «дитя», «домовитая» (у Гнедича «отрасль богатого дома»), «родимая», «родимый», «белокурая» (вместо гнедичевского «лилейнораменная»), «горемычная», «добрая мать» и др. удалось передать трогательность сцены и даже придать ей какой-то «домашний» характер. Не будем забывать, что перевод был заказан Кузмину Маршаком для детской аудитории.

Что касается особенностей метрики представленных переводов, то гексаметр Кузмина ритмически разнообразнее гексаметра Гнедича и Минского. В «Прощании» Кузмин применяет хорей (спондей) во всех стопах, за счет чего ритмический рисунок гексаметра становится более богат и вариативен. В переводе Кузмина мы выделяем следующие варианты гексаметра, в котором используется хорей:

с хореем в первой стопе – 13 стихов, в четвертой – 10 стихов, в третьей – 8 стихов, во второй – 7 стихов, в пятой – 3 стиха;

с двумя хореем в стопах: 1, 2 – 4 стиха; 1, 3 – 5 стихов; 1, 4 – 6 стихов; 1, 5 – 3 стиха; 2, 3 – 4 стиха; 2, 4 – 5 стихов; 3, 4 – 6 стихов; 3, 5 – 3 стиха;

с тремя хореем в стопах: 1, 2, 3 – 2 стиха; 1, 2, 4 – 4 стиха; 1, 2, 5 – 1 стих; 1, 3, 5 – 1 стих.

Один стих с четырьмя хореем, наконец, четыре стиха относятся к поэтическим вольностям (в подсчете они не учитывались).

Гексаметр Гнедича не столь разнообразен, у него не бывает хореем в пятой стопе. В сцене «Прощания Гектора с Андромахой» гексаметр Гнедича имеет шесть вариаций, кроме дактилических стихов:

с хореем в первой стопе – 18 стихов, во второй – 3 стиха, в третьей – 5 стихов, в четвертой – 5 стихов.

Один стих с двумя хореем.

Гексаметр Минского менее разнообразен, чем гексаметр Гнедича. У Минского едва ли можно заметить применение хореем, так что его гексаметр звучит достаточно монотонно.

Работа по сравнению переводов XX века «Прощания Гектора с Андромахой» может быть продолжена исследованием переводов В. В. Вересаева и П. А. Шуйского.

Источники:

1. Гнедич. Н. И. / Чтение в беседе любителей русского слова. СПб., 1813 г. Чтение 13-е, 1813. С. 73–86.
2. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедич; под ред. И. М. Троицкого при участии И. И. Толстого. М., Л., 1935. - 694 с.
3. Гомер. Илиада/ пер. с греческого языка [прозой] Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. Ч.1-4. Ч. 1. Санкт-Петербург: тип. Деп. нар. просв, 1823. - 448 с.
4. Гомер. Илиада Гомера / пер. [и предисл.] Н.М. Минского. М.: К.Т. Солдатенков, 1896.
5. Гомер. Илиада Гомера / Пер. Н.М. Минского. 2-е изд., [вновь провер. и перераб.]. СПб.: Шиповник, 1909.
6. Гомерова Илиада / пер. Ермилом Костровым. СПб.: Типография Шнора, 1787.
7. Кузмин М. А. Прощание Гектора с Андромахой. Перевод из Илиады Гомера. Предисловие переводчика // Звезда. № 6. СПб, 1933. С. 69–73.
8. Омировых творений часть I. Содержащая в себе двенадцать песен Илиады. Перевел с греческого языка Коллежский Секретарь Петр Екимов. При Императорской Академии Наук. 1776 г.
9. Homeri Ilias. (rec. M. L. West). Stuttgartiae; Lipsiae: Teubner. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Vol. 1. Rhapsodias I-XII continens. 1998.

Библиография:

1. Богомолов Н., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова, 2007. - 560 с.

2. Быстров В. Н. Николай Минский // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. Т. 2. 3 – О. С. 563–565.
3. Гаевский В. П. Сочинения Кострова // Современник. 1850. №8. Отд. 3. С. 27–60.
4. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд. (дополненное). М.: Фортуна Лимитед, 2000. - 352 с.
5. Гаспаров М. Л. О нем. Для него: статьи и материалы / Сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
6. Гомер. Илиада; Одиссея / Пер. с древнегр. В. В. Вересаева. Сост., авт. вступ. и коммент. А. А. Тахо-Годи. М.: Просвещение, 1987.
7. Дмитриев П. В. (при участии В. В. Зельченко). М. А. Кузмин // Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т. / редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др.; Bibliotheca classica Petropolitana, Санкт-Петербургский институт истории РАН. Санкт-Петербург: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. Т. 1: А – К. СПб: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. С. 402–407.
8. Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. – 2-е изд. – М.: Индрик. 2001.
9. Егунов А. Н. Ломоносов — переводчик Гомера // Литературное творчество Ломоносова. М.: Л., 1962. С. 197-218.
10. Ермолаева Е. Л. Заметки о переводе «Илиады» Н. И. Гнедичем // Древний мир и мы. Вып. 4. СПб. 2012. С. 326–349.
11. Карамзин М. Н. Гектор и Андромаха. Перевод из шестой книги Илиады // Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. 1. М.: В Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1796. С. 105–116.

12. Костин А. А. Фрагментарный перевод и ценность поэзии: ранние восточнославянские стихотворные переводы из Гомера / *Philologia Classica*. Т. 15. №1. 2020. С. 120–153.
13. Кузмин М. А. Белая ночь: стихотворения / Михаил Кузмин. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. - 352 с.
14. Кузмин М. А. Дневник 1929 года: Жизнь подо льдом. / Публ., предисл. и коммент. С. В. Шумихина // Наше наследие [Электронный ресурс] Электрон. дан. Наше наследие. 2009. Режим доступа: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/Kuzmin01.php. Дата обращения: 30.04.2023.
15. Кузмин М. А. Дневник 1931 года / Публ., предисл. и коммент. С. В. Шумихина // Новое литературное обозрение. М., 1994. №6. С. 163–205.
16. Кузмин М. А. Дневник 1934 года / Под ред. и прим. Глеба Морева. - СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1998. - 413 с.
17. Кукулевич А. М., Орлов В. Н. Гнедич // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1941–1956. Т. 5. Литература первой половины XIX века. Ч. 1. 1941. С. 418–435.
18. Лосев А. Ф. Гомер. Переводы Гомера // Библиотека электронной литературы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9B/losev-a/gomer/7> (дата обращения: 04.05.2023).
19. Лотман М. Ю. Историческая типология русского гексаметра. Варшава, 2011. С. 1–60.
20. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru
21. Николаев С. И. Степанов В. П. Екимов П. Е. // Словарь русских писателей XVIII века [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.М. Панченко.

- Вып. 1. Электрон. дан. Л.: Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, 1988. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=825>. Дата обращения: 16.04.2023.
22. Смышляева В. П. Гнедич Н. И. // Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т. / редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др.; Bibliotheca classica Petropolitana, Санкт-Петербургский институт истории РАН. Т. 1: А – К. - СПб: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. С. 188–193.
23. Смышляева В. П. Мартынов И. И. // Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т. / редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др.; Bibliotheca classica Petropolitana, Санкт-Петербургский институт истории РАН. Т. 2: Л – Я. СПб: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. С. 488–492.
24. Соболевский С. И. Илиада Гомера. Перевод Н. М. Минского. СПб. 1909 // Журнал министерства народного просвещения. СПб. 1911. №4 (отд. 2). С. 346–360.
25. Собрание новостей. Ноябрь. 1775. Санкт-Петербург: печатано при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе типографщиком И. К. Шнором. С. 102.
26. Собрание новостей. Декабрь. 1776. Санкт-Петербург: печатано при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе типографщиком И. К. Шнором. С. 44.
27. Спор о древних и новых. Сост., вступ. статья В. Я. Бахмутского; комментарий В. Я. Бахмутского и Н. В. Наумова; пер. с фр. Н. В. Наумова. М.: Искусство, 1985.
28. Теплова В. А. Мартынов И. И. // Словарь русских писателей XVIII века [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 2: К – П. Электрон. дан. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, 1988. Режим доступа:

<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1014>. Дата обращения:
18.05.2023.

29. Толстой И. И. Гнедич как переводчик Илиады // Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича; Ред. и коммент. И. М. Троцкого. Л., 1935. С. 101–107.
30. Чтение в Беседе любителей русского слова. СПб., 1812. Кн. 5. С. 64–113.
31. Чтение в беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 13-е. С. 79-86; С. 56–68.
32. Шишкин А. Б. Костров Е. И. // Словарь русских писателей XVIII века [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 2: К – П. Электрон. дан. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, 1988. Режим доступа:
<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1167>. Дата обращения:
18.05.2023.
33. Burgi R. History of the Russian hexameter. Connecticut, 1954.

Приложение 1

Перевод постоянных эпитетов в сцене «Прощания Гектора с Андромахой» у Екимова, Кострова и Гнедича.¹¹²

Эпитет	Екимов (1729)	Костров (1896)	Гнедич (1933)
δῖος (414, 424)	— божественный (Ил. 2,653)	всех бед творец (476)	божественный (414)
ποδαρκής (424)	храбрый скороногий (Ил. 2,653)	—	быстроногий ристатель
αἰγίοχος (420)	— Егиох (Ил. 5, 115)	—	великий
ιοχέαιρα (428)	стреломещущая	—	—
κορυθαίολος (440)	красящийся шлемом	сей вождь, родящий страхи (425)	шеломом сверкающий
φαίδιμος (стт. 466, 472, 494)	— знаменитый (155)	—	блистательный (466), божественный (472), бронблещущий (494)
πότνια μήτηρ (413, 471)	почтеннейшая (264)	—	нежная мать (413, 471)
εὐζωνος (467)	—	—	пышноридая
εὐπεπλος (372, 378)	—	—	прекрасноодежная (372) прекрасноодежные

¹¹² В таблице предлагается сопоставление переводов гомеровских эпитетов Екимовым, Костровым и Гнедичем. Мы не включили в эту таблицу перевод Мартынова, поскольку анализ показал, что Гнедич скорее всего не учитывал в своей работе перевод Мартынова.

			(378)
ἐυπλόκαμοι (380)	красящиеся власами	—	благородные
ἐλκεσίπεπλος (442)	—	—	длинноодежная
χαλκοχίτων (454)	—	—	меднолатный
εὖ ναιετάων (370, 415)	благообитаемые	светлый дом (576)	благоданный (370), цветущий (415)
ἐυκτίμενοι (391)	благонаселенные	—	по хорошо устроенным стогам
χαλκοκορυστής (398)	храбрый	—	меднодоспешный
μεγαλήτωρ (395)	мужественный	источник щедрот (452)	отдает эпитет Андромахе – прекрасная
ἵπιοχαίτης (469)	шлем со страшно колеблющимися конскими волосами	оперенный, и конскими власы на ужас отененный (542)	косматовласатый
ἐυμμελής (449)	—	—	копьеносец
ἵπποδαμος (461)	— усмирители коней (II.3, 343)	—	конеборец
ἀνδροφόνος (498)	—	—	мужегубитель

Эпитеты Андромахи

Эпитет	Екимов	Костров	Гнедич
λευκώλενος (371, 374)	прекрасная	белогрудая (426)	лилейнораменная

ἀμύμων (374)	благая	—	непорочная
πολύδωρος (394)	великоименитая	прекрасна и нежна (394)	отрасль богатого дома
ἄμμορος (408)	оставленная	несчастливая (472)	несчастливая

Приложение 2

Перевод постоянных эпитетов в сцене «Прощания Гектора с Андромахой»
Гнедичем, Минским и Кузминым.

Эпитет	Гнедич (1829)	Минский (1896)	Кузмин (1933)
δῖος (414, 424)	божественный (414)	богоравный (413, 424)	боговидный (414)
ποδαρκῆς (424)	быстроногий ристатель	—	быстроногий
αἰγίοχος (420)	великий	эгидодержавный	эгидодержавный
ιοχέαιρα (428)	—	стрелой ее поразила (427)	—
κορυθαίολος (440)	шоломом сверкающий	шлемовеющий (439)	шоломом сверкающий
φαίδιμος (стт. 466, 472, 494)	блистательный (466), божественный (472), бронблещущий (494)	блистательный (465, 471, 493)	блистательный (466, 472, 494)
πότνια μήτηρ (413, 471)	нежная мать (413, 471)	милая мать (412) почтенная мать (470)	родимая (413), добрая мать (471)
εὐζωνος (467)	пышноридая	пышно одетая (466)	в одежде прекрасной
εὐπεπλος (372, 378)	прекрасноодежная (372)	прекрасно одетая (371)	—

	прекрасноодежные (378)	прекрасно одетых (377)	
ἑυπλόκαμοι (380)	благородные	—	кудрявые
ἔλκεσίπεπλος (442)	длинноодежная	влачащие одежды (441)	в длинных одеждах
χαλκοχίτων (454)	меднолатный	меднобронный (453)	в панцире медном
εὖ ναιετάων (370, 415)	благозванный (370), цветущий (415)	с красивым убранством (369) великий (415)	родимые (370) родной (415)
ἐυκτίμενοι (391)	по хорошо устроенным стогнам	среди красиво обстроенных улиц	по богато застроенным улицам
χαλκοκορυστής (398)	меднодоспешный	меднопанцирный (397)	меднодоспешный
μεγαλήτωρ (395)	прекрасная	—	великодушный
ἵπποχαίτης (469)	косматовласатый	гребня из гривы косматой (468)	султан из конской гривы
ἑυμμελής (449)	копьеносец	копьеносец	копьеносец
ἵπποδάμος (461)	копьеборец	храбрый наездник (459)	—
ἀνδροφόνος (498)	мужегубитель	мужеубийца (497)	мужеубийца

Эпитеты Андромахи

Эпитет	Гнедич	Минский	Кузмин
λευκώλενος (371, 374)	лилейнораменная	белокурая (370, 373), белорукая (370, 373)	белокурая
ἀμύμων (374)	непорочная	беспорочная (373)	примерная

πολύδωρος (394)	отрасль богатого дома	одаренная щедрым приданным	домовитая
ἄμωρος (408)	несчастливая	горемычная (407)	горемычная